

Роберт Стивенсон

НОРМА

Норма

Роберт Стивенсон

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Аномалия

Глава 2. Функция

Глава 3. Метафора заражения

Глава 4. Фигура эксперта

Глава 5. Академическая тишина

Глава 6. Петля цитирования

Глава 7. Психиатрия как метод

Глава 8. Желтая звезда

Пролог

Комната была стерильна, если не считать пыли, которая здесь казалась не грязью, а формой времени. Архивный свет, желтоватый и плотный, падал на стол, разделяя пространство на зону видимости и зону тени. На столе лежал документ. Не оригинал — копия, снятая, вероятно, в середине девяностых, когда бумага была серой, рыхлой, впитывающей чернила, как губка.

Ася не касалась листа руками. Она смотрела на текст. Это был не приговор, не донос и не свидетельское показание. Это было «Заключение». Слово стояло в центре, набранное жирным шрифтом, с увеличенным интервалом между буквами. З а к л ю ч е н и е. Как будто кто-то хотел запереть смысл внутри, захлопнуть дверь.

Она читала третий абзац. В нём не было имен. В нём не было дат. В нём были только существительные и прилагательные, сцепленные в тяжелые, неповоротливые конструкции. «Деструктивное воздействие», «психологическая деформация», «чуждые ментальные установки». Язык был сухим, шершавым. Он не описывал действие — он описывал состояние. Он не говорил, что кто-то *сделал*. Он говорил, чем кто-то *является*.

Ася почувствовала легкое головокружение. Это было знакомое чувство — интеллектуальная тошнота, возникающая при столкновении с логической ошибкой, возведенной в ранг закона. Текст был безупречен грамматически. Запятые стояли на своих местах, причастные обороты были согласованы. Но внутри этой грамматической нормы пульсировала пустота.

«Объект демонстрирует признаки социальной дезадаптации, выражающиеся в отказе от общепринятых норм поведения, что свидетельствует о глубоком поражении личностного ядра».

Она перечитала фразу. «Поражение личностного ядра». Это звучало как диагноз, поставленный патологоанатомом, но речь шла о живых людях. Метафора болезни. Метафора заражения. Кто это писал? Врач? Юрист? Священник? Текст не давал ответа. Автор растворился в канцелярите, стал функцией.

В соседней комнате гудел сервер. Ровный, монотонный гул, похожий на дыхание спящего зверя. Ася знала, что если показать этот текст её другу, он не увидит в нём трагедии. Он увидит код. Он скажет: «Смотри, здесь условный оператор. Если А, то Б. Переменные не важны. Важен алгоритм».

Но Ася видела другое. Она видела, как слова, лишённые крови, становятся острее скальпеля. Она видела, как «норма» очерчивает круг, за пределами которого жизнь перестаёт считаться жизнью. Этот лист бумаги был страшнее любого оружия. Оружие убивает тело. Этот текст убивал право на существование до того, как был произведен выстрел.

Она перевернула страницу. Следующий абзац начинался со слова «Рекомендуется». Глагол стоял в безличной форме. Никто не брал на себя ответственность. Рекомендация висела в воздухе, как топор.

Ася закрыла глаза. В тишине архива ей показалось, что она слышит, как работает этот механизм. Не скрип шестеренок, не лязг металла. А тихий, шуршащий звук перелистываемых страниц. Звук, с которым одна реальность накладывается на другую, вытесняя её, замещая живое мертвым, сложное — простым, человеческое — нормативным.

История не закончилась, подумала она. Она просто сменила словарь.

Глава 1. Аномалия

Библиотечная тишина имеет свойство давить на перепонки. Это не отсутствие звука, а его плотная, спрессованная консервация. Здесь, в зале редких изданий и спецхрана, воздух пахнет старой бумагой — сладковатый, тленный запах распадающейся целлюлозы, смешанный с острой химической нотой дешевого клея, которым переплетали брошюры в девяностые.

Ася сидела за длинным столом, покрытым зеленым сукном. Поверхность стола была истерта локтями поколений исследователей, превратившись в ландшафт из ворсистых холмов и проплешин. Перед ней лежали две стопки материалов. Слева — фотокопии судебных уложений и духовных регламентов восемнадцатого века. Справа — распечатки современных «экспертных заключений», датированные периодом с середины девяностых по начало двухтысячных.

Между этими стопками пролегало три столетия. Между ними должны были лежать пропасть культурных сдвигов, революции, смена парадигм, секуляризация, появление психиатрии, права человека. Но Ася, прижимая пальцами виски, смотрела на тексты и видела, как эта пропасть стягивается, исчезает, пока два листа бумаги не начинают просвечивать друг сквозь друга, образуя единый палимпсест.

Она не искала сходства. Её задачей, как студентки кафедры источниковедения, был анализ эволюции бюрократического языка. Тема курсовой звучала нейтрально и скучно: «Трансформация описательных моделей в административной документации». Но то, что она обнаружила час назад, заставило её отложить ручку и просто смотреть.

Ася взяла верхний лист из левой стопки. Выдержка из следственного дела о «хлыстовщине», 1740-е годы. Язык архаичный,

тяжеловесный, спотыкающийся о церковнославянизмы, но логика в нём была железной, как решетка каземата. *«...умом помрачены будучи, от истинного света отвращаются и в погибель вечную, яко слепцы, других за собою влекут, яд свой душевредный распространяя тайно и хитростно...»*

Теперь правая стопка. «Заключение специалиста», 1998 год. Бумага белая, шрифт Times New Roman, 12 кегль. *«...подвергшись психологической деформации, утрачивают критическое мышление и, будучи вовлеченными в деструктивную среду, индуцируют психоз, распространяя ментальную инфекцию посредством скрытых манипулятивных техник...»*

Ася положила листы рядом. Она взяла карандаш и начала подчеркивать не слова, а синтаксические узлы. «Умом помрачены» — «Психологическая деформация». «Яд душевредный» — «Ментальная инфекция». «Тайно и хитростно» — «Скрытые манипулятивные техники».

Слова изменились. Теология уступила место псевдопсихологии. «Душа» стала «психикой», «дьявол» превратился в «лидера культа», «ересь» стала «деструктивной идеологией». Но скелет предложения остался нетронутым. Это была одна и та же костная структура, на которую просто натянули другую кожу.

Ася почувствовала холодок, пробежавший по спине. Это было не просто совпадение. Это была *аномалия*. В биологии, если два существа имеют идентичное строение скелета, они принадлежат к одному виду. В лингвистике, если два текста, разделенные веками, имеют идентичную структуру обвинения, они выполняют одну и ту же функцию.

Она назвала это про себя «языком-оболочкой». Это была форма, которая не зависела от содержания. В неё можно было влить что угодно: религиозный догмат, политическую идеологию, медицинский

диагноз. Главное свойство этой оболочки — она всегда делит мир на две неравные части. Есть «Мы» — носители нормы, истины, здоровья. И есть «Они» — носители вируса, лжи, патологии.

Ася углубилась в чтение современных материалов. Её внимание привлек термин, который встречался в текстах с навязчивой регулярностью: «тоталитарная секта». Он звучал весомо, научно, почти как приговор. Казалось, за этим словосочетанием стоит огромная база юридических прецедентов и социологических исследований.

Она открыла базу данных законодательства. Поиск по запросу «тоталитарная секта». Результат: ноль. В федеральном законодательстве такого понятия не было: его нет ни в Конституции, ни в Уголовном кодексе, ни в законе «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Откуда же оно взялось?

Ася начала листать библиографические списки в конце «экспертных заключений». Ссылки вели не на законы, не на академические монографии по религиоведению, а на публицистику, газетные статьи и брошюры одной и той же группы авторов. Она вытащила из стопки ксерокопию статьи начала девяностых.

1993 год. Автор — Александр Дворкин. Именно здесь, в мутной воде постсоветского хаоса, впервые всплывает этот гибрид. Ася разобрала этимологию. «Тоталитарный» — слово из словаря политологии, отсылающее к лагерям, колючей проволоке, ГУЛАГу и нацизму. Оно вызывает страх на уровне рефлекса. «Секта» — слово из лексикона церковной полемики, означающее откол, ересь, чуждость.

Соединив их, автор создал лингвистического монстра. Это был не научный термин. Это был ярлык-убийца. Он не описывал реальность, он её конструировал. Как только к группе применялось это определение, она автоматически выпадала из правового поля. Ведь

если секта «тоталитарная», значит, она угрожает государству. Значит, к ней неприменимы обычные законы о свободе слова или собраний.

Ася отметила в блокноте: *«Термин не имеет юридического определения. Используется как маркер "чужого". Функция: легитимация исключения».*

Она продолжила анализ. Тексты были перенасыщены приставкой «псевдо-». «Псевдорелигиозный», «псевдомедицинский», «псевдоиндуистский», «псевдоправославный». Эта приставка работала как ластик. Она стирала самоназвание группы. Вы не буддисты — вы *псевдо*буддисты. Вы не врачи — вы псевдоцелители. Вы не семья — вы *псевдо*семья. Ася вспомнила лекции по семиотике. Власть — это прежде всего власть над именами. Тот, кто имеет право называть вещи, владеет реальностью. В этих текстах автор присваивал себе божественное право: он решал, что является подлинным, а что — подделкой.

«На наш взгляд, подходит название псевдоиндуистские», — писал эксперт, и одним росчерком пера тысячелетняя традиция превращалась в дешевую имитацию. Это было интеллектуальное высокомерие, возведенное в ранг методологии.

Но самое страшное скрывалось глубже. Ася наткнулась на документ, озаглавленный как «Психолингвистический комментарий». Речь шла о группе, известной своим пацифизмом. Однако эксперт, анализируя их тексты, приходил к парадоксальному выводу.

«...никаких нравственных препятствий для геноцида у них нет».

Ася перечитала фразу трижды. Слово «геноцид» висело на странице, черное и тяжелое. Это было обвинение в тягчайшем преступлении против человечества. На чем оно строилось? Были ли найдены склады оружия? Планы газовых камер? Списки расстрельных команд?

Нет. Вывод делался на основе анализа *текстов*. Эксперт утверждал, что поскольку группа делит мир на «спасенных» и «погибающих» (что характерно для любой авраамической религии), она *потенциально* готова к уничтожению всех несогласных.

Это была логическая эквилибристика. Презумпция виновности. Группу обвиняли не в том, что она сделала, и даже не в том, что она планировала сделать. Её обвиняли в том, что, по мнению эксперта, логически вытекало из её мировоззрения.

Ася представила, как этот текст ложится на стол судьи. Судья — не религиовед, не лингвист и не психолог. Он видит слово «геноцид». Он видит подпись «эксперт». У него срабатывает сигнал тревоги. Страх — самый сильный аргумент. Текст создавал «экзистенциальную угрозу» из воздуха, из слов, из интерпретаций.

Она посмотрела на подписи под документами. Кто эти люди? Кто эти демиурги, решающие, кому быть «традиционной конфессией», а кому — «деструктивным культом»?

В документах часто фигурировали одни и те же фамилии. Титулы звучали внушительно: «профессор», «доцент», «член совета». Но когда Ася начала проверять их биографии по доступным справочникам, картина стала рассыпаться. У многих из них не было профильного образования в области религиоведения или социологии. Физики, журналисты, историки партии, бывшие партийные функционеры. Их «экспертность» держалась не на академическом знании, а на *позиции*.

Ася записала в блокнот еще одну мысль, которая показалась ей ключевой для понимания всего механизма: *«Эксперт в этой системе — это не тот, кто знает. Это тот, кто имеет право называть».*

Это право делегировалось не научным сообществом, а чем-то иным. Близостью к административному ресурсу? Идеологической лояльностью? Готовностью обслуживать запрос на поиск врага?

Она вернулась к тексту о «геноциде». Лексический анализ показывал, что автор намеренно использует термины с максимальной негативной нагрузкой. «Секта», «вербовка», «зомбирование». Эти слова не описывали явление, они его стигматизировали. В религиоведении и социологии религии нередко предпочитают более нейтральные термины: «новое религиозное движение», «религиозное обращение», «социализация» или «конверсия». Но здесь наука была лишь камуфляжем. Под мантией ученого скрывался прокурор.

Ася заметила еще одну деталь. Эмоциональная окраска. Научный текст должен быть сухим, бесстрастным. Здесь же сквозь псевдонаучную терминологию прорывалась неприкрытая ненависть, брезгливость. «Мусор», «ублюдок», «жвачная продукция», «уродливо-усредненный язык». Эти эпитеты встречались в части полемических и антикультовых текстов, позднее использовавшихся и как экспертный авторитет. Это был язык подворотни, переведенный на язык кафедры. Дегуманизация. Сравнение людей с животными, с механизмами, с отходами.

«Homo jehovisticum» — вывел один из авторов, создавая псевдолатинский термин для обозначения верующих. Это звучало как классификация насекомых. Человек иеговистский. Не совсем человек. Подвид.

Ася закрыла глаза. В тишине читального зала ей показалось, что она слышит гул. Это был гул огромной машины, которая работает непрерывно, перемалывая судьбы. Машина эта состояла не из шестеренок, а из слов. Сначала создается слово. «Сектант». «Агент». «Нежелательный». Затем слово может становиться основанием для административных решений, судебных аргументов и ограничительных практик. И в конце слово превращается в действие. В обыск, в арест, в срок.

Но начинается всё здесь. На листе бумаги. В выборе эпитета. В построении фразы.

Она снова посмотрела на два документа — из XVIII века и из XX века. В первом тексте «еретиков» обвиняли в том, что они «яко волки хищные в овечьих шкурах». Во втором тексте «сектантов» обвиняли в «мимикрии под социальные инициативы». Метафора волка в овечьей шкуре трансформировалась в термин «конфессиональная анонимность». Смысл остался прежним: они лгут. Всё, что они делают хорошего — это ложь. Их благотворительность — вербовка. Их улыбки — маска. Их учение — яд.

Эта презумпция лжи делала любой диалог невозможным. Как можно оправдаться, если твои оправдания заранее объявлены частью «манипулятивной тактики»? Если ты молчишь — ты скрываешь. Если ты говоришь — ты вербуешь. Если ты помогаешь людям — ты создаешь положительный имидж для прикрытия преступных целей. Ловушка захлопнулась.

Ася почувствовала усталость. Это была не физическая усталость, а интеллектуальное истощение от соприкосновения с концентрированной злобой, упакованной в стерильную обертку «аналитической справки». Она поняла, что нашла не просто историческую рифму. Она нашла *матрицу*. Эта матрица была универсальной. Она могла работать против кого угодно. Сегодня это религиозные меньшинства. Завтра — политические оппоненты. Послезавтра — любители джаза или владельцы кошек. Важен не объект. Важен метод.

Метод заключался в том, чтобы взять группу людей, обвести их красным маркером и сказать: «Они не такие, как мы. И поэтому они опасны». А чтобы это не звучало как пещерная ксенофобия, нужно пригласить эксперта. Он объяснит, что это не ненависть. Это

«профилактика социальной дезадаптации». Это «защита культурного суверенитета». Это «обеспечение духовной безопасности».

Термин «духовная безопасность» тоже часто мелькал в текстах. Ася задумалась над ним. Безопасность — это термин из словаря спецслужб. Духовность — из словаря религии. Их соединение рождало оксюморон. Полицейский с кадилом. Священник с дубинкой. Концепция предполагала, что дух — это территория, которую нужно охранять, выставлять пограничные столбы, проверять паспорта. И что есть «контрабандные» идеи, которые нужно изымать.

Ася собрала листы в папку. Её руки слегка дрожали. Она понимала, что её курсовая работа только что перестала быть просто учебным заданием. Она наткнулась на корневую систему чего-то огромного, что прорастало сквозь историю страны, меняя названия, но не меняя сути.

Она вышла из читального зала в коридор. Свет здесь был тусклым, мигала лампа дневного света. В конце коридора висело зеркало в тяжелой раме. Ася подошла к нему и посмотрела на свое отражение. Обычная девушка. Студентка. Серый свитер, уставшие глаза. Но теперь она знала, как легко это описание можно изменить. «Объект демонстрирует признаки асоциального поведения, выражающиеся в избыточном интересе к деструктивным текстам...»

Достаточно одного эксперта. Одной фразы. Одной печати. И зеркало перестанет отражать человека. Оно будет отражать диагноз.

Ася вышла на улицу. Вечерний город встретил её шумом машин и мокрым снегом. Люди спешили к метро, уткнувшись в воротники. Обычная жизнь. Но Ася теперь смотрела на неё иначе. Она видела не людей, а потенциальные объекты классификации. Она видела невидимую сетку координат, брошенную на город. В кармане завибрировал телефон. Пришло сообщение от друга-программиста. «Ты где? Нашла что-нибудь интересное?»

Ася остановилась. Снежинки падали на экран, превращаясь в капли воды, искажая буквы. «Я нашла код», — подумала она, но не стала писать этого. Она написала: «Я нашла словарь. Нам нужно поговорить».

Она спрятала телефон и пошла к метро, чувствуя, как в сумке тяжелым грузом лежит папка с копиями. В этой папке не было ни грамма взрывчатки, ни миллиграмма яда. Там были только слова. Но Ася знала: именно с них всё и начинается. Слова были спорами. И, судя по датам на документах, эпидемия началась давно, просто никто не заметил, как изменился язык, на котором мы говорим о норме.

Ветер усилился, бросая в лицо колючую крупу. Ася ускорила шаг. Ей вдруг захотелось оказаться в месте, где говорят на языке цифр, а не метафор. Там, где ноль — это ноль, а единица — это единица, и никакая экспертиза не может превратить их в «псевдочисла».

Глава 2. Функция

Монитор светился холодным светом, вырезая из полумрака комнаты профиль Марка. В квартире пахло остывшим кофе и нагретым пластиком — запах работающих процессоров, который всегда казался Асе запахом искусственного интеллекта. На столе, среди переплетения проводов и жестких дисков, лежали её бумаги. Те самые копии, которые она вынесла из архива, теперь выглядели здесь чужеродными артефактами, обломками другой цивилизации, занесенными в стерильную лабораторию.

Марк не читал их так, как читают книги. Он не скользил взглядом слева направо, следуя за нарративом. Его глаза двигались скачками, выхватывая блоки, возвращаясь назад, сверяя начало абзаца с его

концом. Он искал не смысл, а синтаксис. Для него текст был не носителем информации, а исполняемым файлом.

— Это не проза, — сказал он наконец, не поворачивая головы. Голос был ровным, лишенным той вибрации тревоги, которая мучила Асю последние дни. — Это скрипт. Причем написанный на очень старом, низкоуровневом языке.

Ася сидела на подоконнике, обхватив колени руками. За окном гудел вечерний проспект, но двойные стеклопакеты превращали этот гул в беззвучную вибрацию.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Смотри, — Марк развернул кресло к столу и подвинул к себе клавиатуру. — Ты историк. Ты ищешь контекст, причины, личность автора. А я смотрю на это как на систему команд. У любого кода есть задача. У этого текста задача одна: перехват управления.

Он взял маркер и провел жирную черту поперек листа с «Заключением религиоведческой экспертизы».

— Вот здесь, — он указал на вводную часть. — Это блок инициализации. Они вводят переменные. «Группа», «Лидер», «Учение». Пока всё нейтрально. Но дальше начинается подмена библиотек.

Марк начал быстро печатать в открытом окне редактора кода, транслируя структуру текста на язык алгоритмов.

— В нормальной системе, если мы встречаем объект «Религиозная группа», мы подгружаем библиотеку «Конституция» или «Права человека». Там прописаны стандартные процедуры: свобода собраний, презумпция невиновности. Но этот текст делает инъекцию. Он подменяет библиотеку. Вместо «Права» он подгружает модуль «Патология».

Ася подошла ближе, вглядываясь в экран. Марк выделил красным цветом несколько словосочетаний в тексте экспертизы: «вербовка», «зомбирование», «психологическое насилие».

— Видишь? — спросил он. — Это не описания фактов. Это команды переопределения типа данных. Как только к объекту применяется тег «зомбирование», система перестает воспринимать его как «Гражданина». Объект переводится в класс «Вирус». А с вирусом не ведут переговоров. Его помещают в карантин или удаляют.

Ася почувствовала, как интеллектуальный холод, исходящий от Марка, успокаивает её собственную тревогу. Это было страшно, но это было понятно. Хаос обретал структуру.

— Ты хочешь сказать, что это вирусный код?

— Абсолютно, — кивнул Марк. — Посмотри на структуру репликации. Как вирус проникает в клетку? Он имитирует полезный белок. Этот текст делает то же самое. Он мимикрирует под «Защиту». Защиту детей, защиту семьи, защиту традиций. Это оболочка. Внутри — пейлоад, боевая нагрузка.

Он вывел на экран схему, которую набросал, пока читал документы. Это была блок-схема с замкнутыми циклами.

— Я нашел здесь баг, — сказал он, постукивая пальцем по монитору. — Точнее, это выглядит как баг для стороннего наблюдателя, но для разработчика это фича. Логическая рекурсия. Порочный круг.

Марк взял лист с текстом, датированным 1999 годом.

— Смотри. Тезис первый: «Данная группа является деструктивной сектой». Доказательство: «Потому что она практикует методы психологического насилия».

— Так, — кивнула Ася.

— Тезис второй, тремя абзацами ниже: «Наличие психологического насилия подтверждается тем, что группа является деструктивной сектой». Марк откинулся на спинку кресла.

— Если А, то Б. Если Б, то А. Это бесконечный цикл. Система ссылается сама на себя. Чтобы доказать вину, они используют определение вины как аргумент. В программировании это привело бы к зависанию процессора. Переполнение стека. Но в юридической практике это работает как вечный двигатель. Им не нужны внешние доказательства. Им не нужны факты из реальности. Система замкнута. Она генерирует истину из самой себя.

Ася вспомнила ощущение тошноты в архиве. Теперь она понимала его природу. Это было головокружение от вращения в логической центрифуге.

— Но ведь кто-то должен это запустить, — сказала она. — Код не работает сам по себе. Нужен ввод. Нужен Enter.

Марк странно посмотрел на неё. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на профессиональное уважение.

— Правильно. Нужен триггер. И я его нашел. Он порылся в стопке бумаг и вытащил тонкую папку, которую Ася скопировала почти случайно. Это были материалы жалоб граждан.

— Вот кейс номер 14-Б, — сказал Марк. — Заявление от гражданки Н. о том, что её дочь попала под влияние. Дата: 12 февраля. А вот экспертное заключение по этой группе. Дата начала работы над экспертизой: 10 февраля.

Ася нахмурилась.

— То есть экспертизу начали делать до того, как поступила жалоба?

— Это мелочи, — отмахнулся Марк. — Ошибки датировки бывают. Смотри на текст.

Он положил рядом заявление «простой гражданки» и текст «высоколобого эксперта».

— Читай вот это предложение в жалобе.

Ася прочла вслух: «...используют суггестивные методики для подавления волевого центра личности с целью отчуждения имущества...»

— А теперь заключение эксперта, — скомандовал Марк. «...применение суггестивных методик, направленных на подавление волевого ядра личности, часто сопряжено с отчуждением материальных активов...»

— Совпадение? — спросила Ася, хотя уже знала ответ.

— Слишком близкое текстовое совпадение, чтобы не заподозрить общий шаблон или общий источник формулировок, — жестко ответил Марк. — Вероятность того, что расстроенная мать из провинции и профессор кафедры социологии случайно используют идентичную конструкцию про «волевой центр» и «суггестию», стремится к нулю. По меньшей мере, один текст явно писал человек, ориентировавшийся на лексику другого.

— Ты хочешь сказать, что эксперты сами пишут жалобы?

— Не обязательно сами. Но они могли задавать словарь, образец или готовую рамку описания. Это называется «инъекция кода». Чтобы система начала репрессии, ей нужен формальный повод. Пострадавший. Но если реального пострадавшего нет, его нужно скомпилировать.

Марк начал рисовать на чистом листе бумаги.

— Создается виртуальный объект «Жертва». Ему прописываются реплики. Эти реплики слово в слово совпадают с выводами будущей экспертизы. Это нужно для того, чтобы замкнуть цепь. Судья откроет дело и увидит: «Ага, вот жалоба, вот экспертиза, они говорят об одном и том же». Для судьи это два независимых источника. Для меня — это дублирование данных. Источник один. Просто он говорит разными голосами.

Ася представила эту женщину, гражданку Н. Существовала ли она на самом деле? Или это была просто подпись под распечатанным текстом?

— Это метод «фейковой жертвы», — продолжал Марк, увлекаясь анализом. — Точнее было бы сказать — метод сконструированной жертвы или сконструированного свидетельства. В кибербезопасности это называется атакой через подставное лицо. Ты создаешь проблему, чтобы продать решение. Эксперты создают «угрозу», чтобы продать свои услуги по её устранению. Иногда создается впечатление, что без жалоб и экспертных подтверждений такая машина просто не получает хода; поэтому язык жалобы и язык экспертизы начинают воспроизводить друг друга.

Он встал и прошелся по комнате. Его тень ломалась на стенах, заставленных стеллажами.

— Знаешь, что самое интересное в этом коде? — спросил он, остановившись у окна. — Его универсальность.

Ася ждала.

— Я попробовал заменить переменные, — сказал Марк. — Я взял этот текст экспертизы и вместо названия религиозной группы вставил туда... ну, скажем, «клуб любителей шахмат».

— И что?

— И ничего не сломалось. Код скомпилировался без ошибок.

Он вернулся к компьютеру и развернул окно с текстом, где желтым маркером были выделены пустые места.

— Смотри. «Члены группы [ИМЯ_ПЕРЕМЕННОЙ] фанатично преданы лидеру, используют специфический жаргон, непонятный окружающим, тратят значительные средства на приобретение инвентаря и литературы, стремятся вовлечь в игру новых участников...»

Марк усмехнулся, но улыбка вышла невеселой.

— Подходит для шахматистов? Идеально. Подходит для филателистов? Да. Для политической партии? Безусловно. Для корпорации Apple? Еще как.

Ася почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— То есть содержание вообще не важно?

— В этом алгоритме — нет. Это полиморфный код. Ему всё равно, что обрабатывать. Он работает не с содержанием убеждений, а со структурой связей. Любая группа людей, объединенная общей идеей и имеющая внутреннюю иерархию, попадает под это описание.

Марк постучал пальцем по столу, отбивая ритм.

— Ты ищешь теологические споры. Ты думаешь, их преследуют за то, что они верят в неправильного бога. А я вижу, что их преследуют за то, что у них есть *структура*, неподконтрольная администратору сети.

— Администратору? — переспросила Ася.

— Государству, — пояснил Марк. — С точки зрения системного администратора, любая программа, которую он не устанавливал и которую не может полностью контролировать, — это потенциальная уязвимость. Даже если она просто рисует котиков. Она потребляет ресурсы, она занимает память, она создает каналы связи.

Он снова сел за клавиатуру.

— Я нашел еще одну функцию. Я назвал её «Дегуманизация через классификацию».

На экране появился список терминов, выстроенных в иерархию.

— Смотри, как они работают с объектом. Сначала идет присвоение класса. Они не говорят: «Иван Петров». Они говорят «адепт».

— Что это меняет? — спросила Ася.

— Всё. «Иван Петров» — это уникальный экземпляр. У него есть права, история, личность. «Адепт» — это экземпляр класса. У него есть только свойства класса. Если класс помечен как «опасный», то и экземпляр опасен. Неважно, что Иван Петров лично никого не обидел. Он наследует свойства класса.

Марк быстро набрал строку кода: `class Adept extends Enemy {...}`

— Вот так это работает. Наследование свойств. Если родительский класс — «Враг», то все дочерние объекты автоматически становятся врагами. Им не нужно доказывать вину каждого отдельного человека. Достаточно доказать вредоносность класса. Это пакетная обработка данных. Очень эффективно. Экономит ресурсы судебной системы.

Ася смотрела на строчки кода, и ей становилось страшно от того, как легко живая жизнь укладывается в эти мертвые схемы.

— Но ведь это люди, Марк. Это не файлы.

— Для системы это не имеет значения, — ответил он жестко. — Бюрократия — это машина. Машина не может испытывать сочувствие. Она может только выполнять инструкции. А эти тексты, — он кивнул на стопку бумаг, — это и есть инструкции. Это мануалы по расчеловечиванию.

Он вытащил из середины стопки еще один документ. Это был лингвистический анализ листовки.

— Вот здесь, — сказал Марк. — Эксперт пишет: «Настойчивое употребление слова “истина” и противопоставление “истинного” учения всем остальным может интерпретироваться как пропаганда исключительности».

Марк посмотрел на Асю поверх очков.

— Ты понимаешь красоту этой логики?

— Не очень.

— Любое убеждение претендует на истинность. Если я говорю, что Земля круглая, я претендую на исключительность, потому что исключаю точку зрения, что она плоская. Согласно этому алгоритму, учебник физики — это экстремистская литература.

— Но они не применяют это к физике.

— Пока нет. В этом и суть. Алгоритм применяется выборочно. Это называется «произвольное правоприменение». У администратора есть кнопка «Ban». Он может нажать её для любого пользователя. Но чтобы это выглядело законно, он запускает скрипт «Экспертиза». Скрипт слишком часто выдает результат True (Виновен). По крайней мере среди тех десятков заключений, которые я просмотрел, я не увидел ни одного по-настоящему оправдательного.

— Ни одного в твоей выборке? — тихо переспросила Ася.

— Статистическая аномалия, — усмехнулся Марк. — В природе так не бывает. Даже подброшенная монета иногда падает на ребро. Если результат внутри одной выборки всегда один и тот же, значит, система детерминирована. Результат заложен в условие задачи. Это не исследование. Это вывод константы.

В комнате повисла тишина. Только гудели кулеры, охлаждая разогретый процессор. Ася думала о том, что Марк прав. Она пыталась спорить с этими текстами как с научными работами, искать в них

фактические ошибки, неточности цитирования. А это было бесполезно. Нельзя спорить с молотком. Нельзя вести дискуссию с гильотиной.

— И что нам с этим делать? — спросила она, глядя на мерцающий курсор. Марк пожал плечами.

— Я не юрист. Я программист. Я могу только декомпилировать код. Показать, как он работает. Он развернул на весь экран итоговую схему. Она напоминала карту метро или схему сложной электрической цепи. В центре стоял черный квадрат с надписью «НОРМА». От него расходились стрелки к блокам «Диагностика», «Изоляция», «Ликвидация».

— Самое страшное не в том, что они делают, — сказал Марк задумчиво. — Самое страшное — как они это называют. Они используют язык гигиены. «Очищение», «санитария», «профилактика».

Он выделил блок текста в одном из документов.

— Вот здесь — уже почти медицинская метафорика: группа описывается как источник заражения, а общественная реакция — как санитарная мера. Ты понимаешь, что это значит?

— Что?

— Дезинфекция — это уничтожение микробов. Микробы не являются субъектами права. Их не судят. Их травят. Когда ты называешь группу людей заразой, инфекцией или очагом поражения, ты снимаешь моральный запрет на их уничтожение. Ты не убиваешь людей. Ты просто моешь руки.

Ася почувствовала, как к горлу подступает комок. Метафора заражения. Она видела её в текстах, но Марк показал ей её функционал. Это был не просто красивый оборот речи. Это была команда на отключение эмпатии.

— Знаешь, — сказал Марк, закрывая файлы. — Я раньше думал, что язык — это просто средство передачи информации. Но глядя на это... Язык — это компилятор реальности. Если ты напишешь правильный код, ты можешь заставить людей видеть чертей там, где стоят обычные соседи.

Он повернулся к Асе. Его лицо было усталым.

— Ты принесла мне не историю, Ася. Ты принесла мне чертежи оружия массового поражения. Только оно взрывает не дома. Оно взрывает связи между людьми.

Ася собрала бумаги. Они казались теперь еще тяжелее, словно напитались свинцом от слов, которые в них содержались.

— Спасибо, — сказала она. — Теперь я знаю, что искать.

— Ищи повторяемость, — посоветовал Марк. — Ищи шаблоны. Код всегда оставляет следы. Копипаст, одинаковые грамматические конструкции, одни и те же логические ошибки. Это их отпечатки пальцев. Они ленивы, Ася. Они не пишут каждый раз заново. Они используют макросы.

Ася вышла в прихожую. Марк пошел её провожать. В полумраке коридора он казался частью своей машины — рациональным, холодным, но единственным, кто понимал механику происходящего.

— Марк, — спросила она уже у двери. — А этот код... его можно переписать?

Он помолчал, опираясь плечом о косяк.

— Любой код можно переписать. Но для этого нужен доступ к консоли администратора. А у нас с тобой права только «User». Мы можем только смотреть, как система исполняет скрипт.

— И что, нет выхода?

— Есть, — сказал он серьезно. — Не быть переменной в их уравнении. Не позволять им присваивать тебе класс. Оставаться уникальным значением. Это сложно. Система не любит уникальные значения. Она пытается их округлить.

Ася вышла в ночь. Город был тем же, что и час назад. Те же фонари, те же машины, те же люди. Но теперь, глядя на светящиеся окна домов, она видела не уютные кухни, а ячейки в гигантской таблице данных. В кармане лежал телефон. Она достала его и посмотрела на экран. Никаких уведомлений. Тишина. Но теперь она знала, что тишина обманчива. Где-то в недрах серверов, в кабинетах с коврами дорожками, в головах людей, облеченных властью называть, уже работал компилятор. Он перемалывал слова, создавая новую реальность, в которой для кого-то уже был готов ярлык, диагноз и приговор.

Она вспомнила фразу из документа, которую Марк выделил черным: «Подлежит профилактическому учету». Профилактика. Слово из поликлиники. Ася поежилась от холода. Ей вдруг показалось, что весь город — это огромная стерильная палата, и где-то уже идет обход. Врачи в белых халатах несут истории болезни, в которых вместо симптомов записаны мысли, а вместо лекарств прописано молчание.

Она спустилась в метро. Турникет пискнул, считывая карту. Зеленый огонек. «Проход разрешен». Ася прошла, чувствуя спиной взгляд камеры наблюдения. `If (ticket == valid) then open_gate`. Пока что её билет был действителен. Пока что она была в зоне «Норма». Но теперь она знала, как легко меняется эта переменная. Достаточно одного эксперта, который решит, что её способ проходить через турникет — это «деструктивное поведение, имитирующее законопослушность».

Поезд вылетел из туннеля, обдав перрон ветром. Ася шагнула в вагон, и двери захлопнулись за ней с мягким, но окончательным

звучком. Внутри было светло и людно. Люди читали книги, смотрели в телефоны. Никто не замечал, что текст реальности вокруг них уже начал меняться, что в привычные слова уже впрыснут яд иного смысла. Ася открыла блокнот и записала только одно слово, которое сказал Марк. *Полиморфизм*. Способность объекта принимать разные формы. Зло не носит рога и копыта. Оно носит костюм, галстук и ученую степень. И оно говорит на языке, который кажется таким правильным, таким логичным, таким безопасным. Пока ты не начнешь читать его как код.

Глава 3. Метафора заражения

Аудитория номер 402 была пуста. Это было то время суток, когда университет замирает: пары уже закончились, а вечерние консультации еще не начались. Свет из высоких окон падал на ряды пустых парт, расчерчивая пространство на геометрически правильные сектора. В воздухе висела взвесь меловой пыли, которая в лучах заходящего солнца казалась золотым туманом.

Ася сидела за преподавательским столом. Перед ней лежала не историческая хроника и не судебный протокол. Перед ней лежала книга по социальной гигиене начала двадцатого века и распечатка стенограммы выступления на конференции 2006 года.

Она положила ладони на столешницу, ощущая прохладу лакированного дерева. Последние дни она жила в состоянии странного раздвоения. Её глаза видели привычный мир — студентов в коридорах, кофейные стаканчики, экраны смартфонов. Но её ум, настроенный на частоту архивных текстов, считывал другой слой реальности. Она начала замечать, как меняется словарь.

Если в предыдущих документах, которые они разбирали с Марком, доминировала юридическая или псевдорелигиозная лексика («секта», «преступление», «обман»), то теперь Ася наткнулась на пласт, который пугал её гораздо больше. Это был язык биологии. Язык медицины.

Она открыла файл на ноутбуке. Марк прислал ей подборку цитат с пометкой: «Смотри на семантическое поле. Это не юриспруденция. Это эпидемиология».

Ася начала читать. Текст был датирован 1931 годом. Журнал «Безбожник». Автор — И. Малышев. Статья называлась «Скопческое изуверство». Уже по названию статьи и сопутствующему советскому антирелигиозному контексту видно, насколько легко религиозную группу описывали языком социальной санитарии и опасности.

Слово «гнёзда» зацепило её внимание. Гнёзда не строят люди. Гнёзда вьют насекомые или птицы. Вредители. «Расчистить гнёзда» — это не арестовать преступников. Это провести санитарную обработку. Дезинсекцию.

Ася перевела взгляд на современный текст. 2006 год. Выступление Александра Дворкина на фоне московской саентологической истории. Речь шла об открытии в столице здания одной из религиозных групп. В публикациях ему приписывали сравнение этого центра с «раковой опухолью». И что было особенно важно для Аси, сама эта метафора — «раковая опухоль» применительно к «сектам» — действительно повторялась и в других его публичных текстах и выступлениях.

«Раковая опухоль». Ася медленно выдохнула. Метафора сменилась, но вектор остался прежним. Опухоль — это не субъект права. С опухолью не вступают в дебаты. Опухоли не зачитывают права. Её вырезают.

Она взяла ручку и написала в блокноте: *«Медикализация врага. Переход от категории "виновность" к категории "патология"».*

В дверь постучали. Вошел Марк. Он выглядел уставшим, под глазами залегли тени, но взгляд был цепким, как всегда. Он молча сел на первую парту перед столом Аси, положив рядом свой рюкзак.

— Ты читала про Китай? — спросил он вместо приветствия.

— Нет. Что там?

— Дворкин выступал там в 2008 году. Перед Китайской ассоциацией. Марк достал планшет и зачитал, не меняя интонации, словно диктовал код: *«Они превращали людей в инструменты сект и разрушали их семьи. Секты наносят вред людям, семьям, обществам и странам, подобно «раковым клеткам» в здоровом организме. Секты не вносят никакого вклада в развитие общества. Но при этом они продолжают поглощать его человеческие ресурсы и богатства. Подобно раковым клеткам, они питаются за счет здорового организма общества, пока оно не разрушится»*

— Опять раковые клетки, — тихо сказала Ася.

— Именно, — кивнул Марк. — И заметь, как выстроена логика. «Получают питание от здорового тела общества». Это классическое описание паразита.

Марк встал и подошел к доске. Он взял кусок мела и нарисовал большой круг.

— Представь, что это Государство, — сказал он. — Или Нация. Или Традиция. Неважно. В этой модели это не политическая структура, а биологический организм. «Тело». Он написал внутри круга слово «НОРМА». — У организма есть иммунитет. Его задача — распознавать «свое» и уничтожать «чужое». Марк нарисовал маленькую точку внутри круга и заштриховал её.

— А вот это — Группа X. Если мы описываем её как «политическую оппозицию» или «религиозное меньшинство», мы находимся в поле социологии. Мы признаем, что это часть общества, пусть и несогласная

с большинством. Но как только эксперт произносит слово «инфекция» или «опухоль», он меняет правила игры.

Ася смотрела на белую точку на черной доске.

— Это снимает моральный запрет на насилие, — произнесла она.

— Хуже, — ответил Марк. — Это делает насилие *терапией*. Хирургическим вмешательством. Если ты врач, и ты видишь гангрену, твой долг — ампутировать конечность. Если ты не сделаешь этого, ты плохой врач. Ты допустишь смерть всего организма.

Ася вспомнила исторические параллели, которые она изучала на первом курсе. Нацистская Германия. Риторика «расовой гигиены». Евреев сравнивали с бациллами, с тифом, с крысами. Это не было просто оскорблением. Это была подготовка к «санитарной процедуре».

— Я нашла источник конца 2000-х, — сказала Ася, листая бумаги. — В ряде восточноевропейских антикультовых публикаций тех лет практически дословно повторяется эта формула.

Она нашла нужный абзац.

— Там тоже секты описываются как «раковая опухоль общества» и как структура, высасывающая ресурсы.

— Финансовый паразитизм, — кивнул Марк. — Это важный элемент диагноза. Паразит не просто живет, он истощает хозяина. Это оправдывает экстренность мер. Мы не можем ждать суда. Пока идет суд, организм слабеет. Нужно резать сейчас.

В аудитории стало темнеть. Тени удлиннились, превращая ряды парт в подобие больничных коек. Ася думала о том, как язык формирует восприятие. Когда ты слышишь слово «инакомыслящий», ты представляешь человека, с которым можно спорить. Когда ты слышишь слово «метастазы», ты представляешь смертельную угрозу, которая растет внутри тебя. Страх — лучший катализатор ненависти.

— Знаешь, что самое интересное в этой биологической метафоре?
— спросил Марк, вертя в руках мел. — Она подразумевает стерильность как идеал.

— Стерильность?

— Здоровый организм — это организм без чужеродных вкраплений. Монолит. Единое тело. Любое отличие трактуется как симптом болезни. Он стер точку внутри круга. — Идеальное общество в их понимании — это общество, где все клетки одинаковы. Где нет мутаций. Где нет отклонений. Но в биологии отсутствие мутаций означает остановку эволюции. Смерть.

Ася перебирала документы. Она наткнулась на термин, который часто мелькал в текстах последних лет: «Духовная безопасность». Раньше это словосочетание казалось ей просто бюрократическим новоязом, бессмысленным набором звуков. Но теперь, в контексте медицинской метафоры, оно обрело зловещий смысл.

— Марк, — сказала она. — «Духовная безопасность» — это ведь и есть иммунология.

— Поясни.

— Безопасность обычно касается границ, армии, полиции. Защита от внешнего врага. Но «духовная безопасность» направлена внутрь. Она ищет врага не за границей, а внутри организма. Она ищет «зараженные» мысли.

— Верно, — согласился Марк. — Это почти аутоиммунная реакция. Система начинает атаковать собственные клетки, потому что они показались ей подозрительными.

Он сел обратно за парту и открыл свой ноутбук.

— Я прогнал эти тексты через семантический анализатор, — сказал он. — Искал частотность слов, связанных с загрязнением и очищением.

На экране появилась диаграмма. Столбцы росли вверх, красные и высокие.

— «Грязь», «мусор», «помойка», «отбросы», «слизь», «яд». Эти слова встречаются в текстах, претендующих на научность, значительно чаще, чем нейтральные термины.

Марк посмотрел на Асю.

— Они вызывают у читателя физиологическое отвращение. Рефлекс брезгливости. Это очень древний механизм. Эволюционно брезгливость нужна, чтобы мы не ели тухлое мясо и не трогали трупы. Это защита от инфекции.

— И они используют этот рефлекс против людей, — закончила мысль Ася.

— Да. Когда эксперт называет группу людей «грязной пеной» или «плесенью», он отключает в твоём мозгу зоны, отвечающие за сочувствие. Ты не можешь сочувствовать плесени. Ты хочешь взять тряпку и стереть её.

Ася почувствовала озноб. В аудитории было тепло, но ей казалось, что откуда-то тянет ледяным сквозняком. Она представила себе этих людей — экспертов, пишущих свои заключения в уютных кабинетах. Они не брали в руки оружие. Они не строили лагеря. Они просто подбирали слова. Они брали словарь Даля и выбирали оттуда самые липкие, самые неприятные определения. Они конструировали реальность, в которой их соседи переставали быть людьми и становились носителями вируса.

— Это работает как фильтр восприятия, — продолжал Марк. — Я называю это «оптикой чумы». Если ты надеваешь очки, в которых мир выглядит как очаг заражения, то любой человек в маске кажется тебе спасителем, а любой человек без маски — убийцей. Он вывел на экран ещё одну цитату. Это был фрагмент из методического пособия для

сотрудников правоохранительных органов. *«Необходимо выявлять латентные очаги деструктивного воздействия, которые маскируются под культурные и образовательные инициативы».*

— «Латентные очаги», — повторила Ася. — Скрытая инфекция. Это значит, что здоровых нет. Есть недообследованные.

— Презумпция зараженности, — кивнул Марк. — В этой логике любой, кто не прошел проверку на лояльность, потенциально опасен. Он может быть носителем. Он может сам не знать об этом. Поэтому нужна профилактика.

— Профилактика... — Ася вспомнила это слово из прошлой главы. Теперь оно звучало иначе. Профилактика в медицине — это витамины и зарядка. Профилактика в идеологии — это цензура и запреты.

Она посмотрела на книгу 1931 года. Страницы были желтыми, ломкими.

— Знаешь, Марк, — сказала она. — В тридцатые годы это закончилось Большим Террором. Тогда тоже говорили о «вредителях» и «социально чуждых элементах».

— Механизм тот же, — согласился он. — Меняются только названия штаммов. Тогда это были «троцкисты» и «кулаки». Сейчас — «сектанты» и «агенты». Но структура описания идентична.

Он постучал пальцем по столу.

— Я нашел в базе данных интересный паттерн. Часто всплески использования медицинской лексики в прессе сопровождают или предваряют ужесточение законодательства. Сначала идет волна статей про «опухоли» и «язвы». Потом нередко появляются новые ограничительные меры или репрессивное правоприменение.

— То есть язык готовит почву?

— Язык анестезирует общество. Если ты полгода читаешь, что какая-то группа — это рак, то, когда их начинают сажать, ты не возмущаешься. Ты думаешь: «Ну наконец-то. Врачи приехали».

Ася закрыла книгу. Пыль взметнулась маленьким облачком.

— Это страшно, Марк. Потому что с этим невозможно спорить. Ты не можешь доказать, что ты не вирус, если врач уже поставил диагноз.

— Можно, — возразил Марк. — Но не в рамках их логики. Вирус не может спорить с иммунологом. Чтобы победить, нужно выйти из метафоры. Нужно перестать быть биологическим объектом и снова стать субъектом права. Он начал собирать вещи. — Но они делают всё, чтобы загнать нас обратно в биологию. В состояние «биомассы», которую нужно регулировать, лечить, подстригать.

Они вышли в длинный университетский коридор. Здесь было тихо и гулко. Их шаги отдавались эхом от высокого потолка. Ася смотрела на двери кафедр. «Кафедра философии», «Кафедра социологии», «Кафедра права». За этими дверями сидели умные, образованные люди. Они писали диссертации, получали гранты. Но почему-то именно из этой академической среды выходили тексты, которые превращали живых людей в «биоматериал».

— Марк, — спросила она, когда они спускались по лестнице. — А почему они так боятся? Откуда этот страх заражения?

Марк остановился на пролете. Свет лампы падал на его лицо, делая его черты резкими, графичными.

— Потому что их «Норма» очень хрупкая, — сказал он. — Здоровый организм не боится царапины. Он знает, что справится. А организм, который держится только на искусственном жизнеобеспечении, боится любого сквозняка.

Он посмотрел вниз, в пролет лестницы, уходящий в темноту первого этажа.

— Они называют это «защитой суверенитета», но на самом деле это паника иммунодефицита. Они знают, что их идея не выживет в конкурентной среде. Поэтому они объявляют конкурентов вирусами. Это единственный способ избежать сравнения.

Они вышли на улицу. Вечерний город встретил их огнями витрин и шумом проспекта. Ася посмотрела на прохожих. Люди шли, смеялись, разговаривали по телефонам. Но теперь, после часов, проведенных над текстами, она видела не просто толпу. Она видела «тело общества». И она знала, что где-то в тихих кабинетах уже сидят люди с красными карандашами. Они смотрят на этот город не как на место для жизни, а как на пациента на операционном столе. Они ищут симптомы. Они ищут отклонения от нормы. Они ищут, чтобы еще вырезать во имя всеобщего здоровья.

Мимо проехала машина скорой помощи с включенной сиреной. Синий свет маячка скользнул по стенам домов, по лицам прохожих, по лицу Аси. Раньше этот звук означал помощь. Теперь он казался ей звуком тревоги. Сигналом о том, что бригада санитаров уже выехала, и у них в руках не лекарства, а скальпели, заточенные словами.

Ася сунула руки в карманы пальто. Там лежал сложенный лист с одной из цитат о «раковой опухоли». Бумага жгла пальцы, словно была радиоактивной.

— Мы сами становимся диагностами, — сказала она тихо, скорее себе, чем Марку. — Мы ищем симптомы у них.

— Мы ищем код, — поправил её Марк. — Чтобы обезвредить вирус, нужно знать его РНК. Мы просто секвенируем их язык.

Он посмотрел на здание университета, темнеющее на фоне неба.

— Проблема в том, Ася, что этот вирус передается воздушно-капельным путем. Через газеты. Через телевизор. Через лекции. И маски тут не помогут.

Ася кивнула. Она понимала, что он прав. Заражение происходило не через контакт с «сектантами», а через принятие языка, на котором их описывали. Как только ты соглашался назвать человека «опухолью», ты уже был инфицирован. Ты становился частью иммунной системы, готовой убивать.

Она посмотрела на свои руки. Чистые, обычные руки. Но ей вдруг захотелось их вымыть. Долго, с мылом, до скрипа. Чтобы смыть с себя этот липкий налет чужих метафор, эту грязь слов, которые превращали убийство в гигиену. Но она знала, что вода здесь бессильна. Единственным антисептиком была память. Память о том, что люди — это не клетки, не ткани и не ресурсы. Люди — это люди. И пока она помнит это, она остается здоровой. Вопреки всему.

На другой стороне улицы, на огромном рекламном экране, сменялись картинки. Реклама йогурта сменилась социальным роликом. «Здоровая нация — сильная страна», — гласила надпись. Буквы были белыми, стерильными, безупречными. Ася отвернулась и пошла к метро, чувствуя, как город вокруг неё дышит, но дыхание это было тяжелым, хриплым, словно у больного, которому поставили неправильный диагноз и лечат ядом вместо лекарства.

Глава 4. Фигура эксперта

На столе перед Асей лежал не текст закона и не судебный протокол. На этот раз объектом исследования был человек. Точнее, его бумажная проекция: стопка распечаток, биографических справок, копий дипломов и выдержек из интервью. Марк назвал эту папку «Профиль администратора». Ася называла её про себя «Конструкцией пустоты».

Они пытались понять, кто именно стоит за теми формулировками, которые превращали жизнь в диагноз. Кто этот невидимый оператор, нажимающий на клавиши, после чего запускается механизм исключения? Ася ожидала увидеть биографию блестящего, пусть и циничного, академика. Ей представлялся холодный интеллект, эрудит, владеющий десятком языков, человек, чья жестокость проистекает из избытка знаний и высокомерия.

Реальность, лежащая на столе, оказалась обескураживающе иной.

— Смотри на таймлайн, — сказал Марк, указывая на график, выведенный на монитор. — Это не карьера ученого. Это карьера авантюриста.

Ася взяла верхний лист. Биография «Главного Эксперта» (они решили не называть его по имени, чтобы не персонализировать зло, а рассматривать его как функцию) пестрела пробелами. Эмиграция, работа на радиостанциях, возвращение, внезапное появление в коридорах власти.

— У него нет профильного образования, — тихо сказала Ася, просматривая список регалий. — Он называет себя профессором, но я не вижу здесь ни одной защищенной диссертации по психологии, социологии или религиоведению, признанной ВАК.

— В этом и суть, — отозвался Марк. — В системе, где компетенция заменяется лояльностью, диплом — это атавизм. Ему не нужно *быть* ученым. Ему нужно *выглядеть* как ученый.

Ася вглядывалась в фотографию, прикрепленную к досье. Человек на снимке не выглядел угрожающе. Обычное лицо, с обычными чертами. Но глаза... Даже на зернистой черно-белой распечатке был виден этот странный, фиксированный блеск. Взгляд человека, который видит не собеседника, а свою собственную идею, наложенную на реальность. В одном из воспоминаний современников, которое Ася нашла в архиве, этот взгляд описывался как «горящие глаза». Автор

мемуаров, доктор философских наук, вспоминал свою первую встречу с Экспертом в начале девяностых: *«Активный, глаза горят... Он мне стал говорить, что вообще никакие справочники не нужны, и вообще изучать ничего тут не нужно... И нужно, конечно, согнуть эти все секты в бараний рог»*.

— Это фанатизм, — констатировала Ася. — Но фанатизм странного рода. Он направлен не на утверждение своей веры, а на уничтожение чужой.

— Это не просто фанатизм, — поправил Марк. — Это синдром вахтера, возведенный в абсолют. Посмотри на структуру его амбиций. Он не создал ничего своего. Ни научной школы, ни теории, ни философской концепции. Вся его деятельность — это реакция. Это «анти-». Антикультизм, антисектантство. Он существует только до тех пор, пока есть враг. Если враг исчезнет, он исчезнет вместе с ним, потому что он — всего лишь тень, отбрасываемая чужой верой.

Ася перебирала документы. Вот справка из Министерства образования и науки. Сухой, канцелярский ответ на запрос: *«В действующей Номенклатуре специальностей научных работников специальности "сектоведение" не имеется»*. Она перечитала фразу дважды.

— Марк, это невероятно. Он называет себя экспертом в области, которой официально не существует. Это как если бы кто-то назвал себя «профессором алхимии» или «доктором драконологии» и на этом основании требовал сажать людей в тюрьму.

— Это называется «симулякр», — ответил Марк, не отрываясь от экрана. — Копия без оригинала. Он создал дисциплину-призрак. Назвал её наукообразным словом. Присвоил себе звание главного специалиста. И государство это приняло.

— Почему? — спросил Ася. — Почему никто не проверил? Почему никто не сказал: «Король голый»?

— Потому что королю нужен был именно такой портной, — усмехнулся Марк. — Настоящий ученый — это проблема. Ученый сомневается. Ученый требует доказательств. Ученый может сказать: «Здесь нет состава преступления». А этот человек не сомневается. Он предлагает готовое решение. Простые ответы на сложные вопросы. Для бюрократической машины он идеальный интерфейс.

Марк вывел на экран схему, которую он назвал «Петля легитимации».

— Смотри, как это работает. Он сам придумывает угрозу. Сам придумывает терминологию для её описания. Сам себя назначает экспертом по этой угрозе. И сам же предлагает методы борьбы. Это замкнутый цикл производства власти из воздуха.

Он открыл файл с анализом текстов Эксперта.

— Я прогнал его работы через стилометрический анализ. Знаешь, на что это похоже?

— На проповедь?

— Хуже. На плохую беллетристику. Там нет логических связок. Там есть только эмоциональные качели. Нагнетание страха, затем обещание спасения, затем снова страх. Это структура манипуляции. Марк нашел нужную цитату из заключения психиатров, которые анализировали подобные психотипы: *«Деятельность вряд ли будет подкреплена серьёзной научной базой... Это скорее будут поверхностные суждения, облакаемые в яркую "обложку" и подкрепляемые неадекватной по силе и модальности эмоциональной окраской»*.

— «Яркая обложка», — повторила Ася. — Это именно то, что мы видели в документах. Громкие слова: «тоталитарный», «деструктивный», «зомбирование». Это маркетинговые ярлыки, а не научные термины. Она вспомнила литературного персонажа, которого

упоминали критики Эксперта. Хлестаков. Человек, который настолько вжился в роль ревизора, что сам поверил в свою значимость. Патологическая ложь, которая становится правдой для самого лжеца.

— Знаешь, Ася, — сказал Марк задумчиво. — В психологии есть понятие “градиент авторитета” и проблема «authority gradient» в авиации и медицине. Это когда экипаж самолета видит, что капитан совершает ошибку, но молчит, потому что авторитет погон сильнее здравого смысла.

Он развернул перед ней статью о социальной психологии.

— Этот Эксперт — такой капитан. Он ведет самолет в гору. Но все вокруг — судьи, прокуроры, журналисты — молчат. Потому что у него на кителе нашивки «Профессор». Потому что он говорит уверенно. Потому что он кричит.

— И потому что страшно, — добавила Ася. — Страшно оказаться тем, кто скажет правду и станет следующим врагом.

Она нашла в папке описание эксперимента Милгрэма. Люди, обычные люди, готовы были бить других током, если человек в белом халате говорил им: «Продолжайте, это необходимо для эксперимента». Эксперт надел на себя этот белый халат. Метафорический халат защитника традиций, спасителя детей, хранителя устоев. И этот халат дал ему право нажимать на кнопку. Или, точнее, указывать другим, какую кнопку нажать.

Ася почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Не от страха, а от брезгливости. Перед ней раскрывалась картина грандиозного обмана. Человек, чья психика, судя по описаниям коллег, балансировала на грани нормы и патологии — подозрительность, бинарное мышление, склонность к конспирологии, — получил в свои руки рычаги управления репрессивной машиной. Его личные страхи стали государственной идеологией. Его личные обиды стали основой

для уголовных дел. Его неспособность к диалогу стала нормой общественной жизни.

— Марк, — спросила она. — А как он вообще появился? Откуда он взялся?

— Из девяностых, — ответил Марк. — Из времени хаоса. Тогда старая идеология рухнула, и образовался вакуум. В этот вакуум хлынуло всё: и свобода, и безумие. И этот человек пришел и сказал: «Я знаю, как вернуть порядок. Я знаю, кто виноват в том, что вам плохо. Виноваты *Они*».

Марк постучал пальцем по столу.

— Он продал обществу образ врага. Это самый ходовой товар в кризисные времена. Когда людям страшно, они не ищут истину. Они ищут виноватого. И Эксперт указал пальцем.

Ася читала выдержки из его ранних статей. В них сквозила обида. Обида на мир, который не оценил его гениальность. Обида на Запад, где он не смог сделать карьеру. Обида на академическую среду, которая не приняла его всерьез. Эта обида трансформировалась в агрессию. Он создал свой собственный мир, свою «сектологию», где он был главным судьей, вершителем судеб, единственным носителем истины.

— Это ресентимент, — сказала Ася. — Бунт маленького человека, который хочет стать большим, унижая других.

— Да, — согласился Марк. — Но проблема в том, что ему дали мегафон. И дубинку.

Они перешли к анализу конкретного кейса. «Экспертное заключение» по книге одной из восточных групп. Ася читала текст и не верила своим глазам. Эксперт утверждал, что текст книги содержит призывы к насилию. В качестве доказательства он приводил цитату. Но

когда Ася открыла оригинал книги, лежащий рядом (Марк нашел скан в библиотеке), цитаты там не оказалось.

— Это подлог? — спросила она.

— Интеллектуальный подлог, — подтвердил Марк. — Он не просто вырвал фразу из контекста. Он её сконструировал. Или приписал автору слова, которых тот не говорил. Марк показал ей протокол судебного заседания, где адвокаты поймали эксперта на лжи. *«Эксперт приписала автору то, чего у него нет... Это все равно, что если бы оценивая от чего умер человек, она бы капнула туда яду и сказала бы, что его отравили».*

— И что? — спросила Ася. — Судья исключил это доказательство?

— Нет, — голос Марка стал жестким. — Судья принял экспертизу. Потому что «нет оснований не доверять эксперту».

— Но это же абсурд! Это фактологическая ошибка!

— В этой системе координат факты не имеют значения. Имеет значение *вектор*. Эксперт подтвердил то, что суд хотел услышать. Он выполнил заказ. Качество исполнения неважно. Важен результат.

Ася поняла, что они имеют дело не с наукой, а с ритуалом. Экспертиза была ритуальным действием, необходимым для жертвоприношения. Жрец (Эксперт) произносил заклинание (Заключение), и жертва (Группа) объявлялась нечистой. Никто не проверял, правильно ли жрец произносит слова. Главное, чтобы ритуал состоялся.

Она посмотрела на список организаций, созданных Экспертом. Центры, советы, ассоциации. Звучало солидно. «Центр религиоведческих исследований».

— А что это за центр? — спросила она. — Где он находится? Какой у него штат?

Марк усмехнулся и открыл данные налоговой службы.

— По доступным данным, это скорее небольшая аффилированная структура, чем крупный независимый академический институт.

— То есть это не похоже на полноценный исследовательский центр университетского масштаба?

— Это скорее вывеска с громким названием, чем инфраструктура большой науки. За ней не просматривается ни лабораторий, ни архивов, ни большого штата сотрудников. Только печать и подпись.

Ася представила себе эту картину. Маленькая комната, заваленная бумагами. Человек с горящими глазами строчит доносы, называя их «экспертизами». И огромная государственная машина, которая с готовностью подхватывает эти бумажки и превращает их в приговоры.

— Знаешь, что самое страшное? — спросил Марк. — Не то, что он лжет. А то, что он искренне верит в свою миссию. Он считает себя спасителем.

Он нашел цитату из интервью Эксперта, где тот рассуждал о «раковой опухоли» и необходимости «хирургического вмешательства».

— Он видит себя хирургом. А общество — пациентом под наркозом. Пациент не может решать, что ему отрезать. Решает врач.

— Но он не врач! — почти выкрикнула Ася. — Он самозванец!

— Для пациента под наркозом это не имеет значения, — тихо ответил Марк. — Он уже держит скальпель.

В комнате повисла тишина. За окном начинался дождь, капли стучали по стеклу, размывая огни города. Ася думала о том, как легко один человек может отравить колодец, из которого пьют миллионы. Достаточно просто назвать воду ядом, а яд — лекарством. И если повторять это достаточно долго, достаточно громко и с трибуны, люди поверят. Потому что людям нужен Эксперт. Им нужен кто-то, кто

скажет: «Я знаю, как надо». Кто снимет с них ответственность за выбор. Кто разделит мир на черное и белое.

— Марк, — сказала она. — А есть другие? Настоящие ученые?

— Есть, — кивнул он. — Но их голоса тонут в шуме. Или их просто не пускают к микрофону.

Он показал ей список рецензий на книгу Эксперта. Разгромные статьи докторов наук, юристов, социологов. Они писали о методологической несостоятельности, о подмене понятий, о невежестве. *«Книга вряд ли может представлять какой-либо интерес и пользу... для правоохранительных органов».*

— Это писали в 2000 году, — заметил Марк. — Двадцать лет назад. Ученые предупреждали. Они говорили: «Это не наука, это идеология». Но их не услышали.

— Почему?

— Потому что наука сложна. Она требует нюансов. А идеология проста. Эксперт предложил власти простой инструмент: молоток. А когда у тебя в руках молоток, все проблемы кажутся гвоздями. Власти понравился молоток. А скальпель социолога показался слишком тонким и ненадежным.

Ася закрыла папку. Лицо человека с фотографии скрылось под обложкой, но его взгляд продолжал преследовать её. Взгляд человека, который присвоил себе право называть. Она поняла, что фигура Эксперта — это не просто биография одного человека. Это диагноз самому обществу. Обществу, которое готово принять шарлатана за пророка, если он обещает безопасность. Обществу, которое разучилось различать компетенцию и самоуверенность.

— Мы нашли точку входа, — сказал Марк, выключая монитор. — Вирус проник в систему не через взлом защиты. Он вошел через парадный вход. Ему открыли дверь, потому что он показал

удостоверение. Фальшивое, нарисованное от руки, но с очень большой печатью.

— И теперь он внутри, — закончила Ася. — И он переписывает код системы под себя.

— Да. Он меняет настройки доступа. Он определяет, кто «User», а кто «Banned». И самое главное — он делает это без контроля. Потому что никто не может проверить Эксперта. Он сам стал мерилom истины.

Ася встала и подошла к окну. Город внизу казался огромным живым организмом. Миллионы огней, миллионы жизней. И где-то там, в переплетении улиц, ходили люди, на которых Эксперт уже поставил свою метку. Они еще не знали об этом. Они жили, любили, работали. Но в папке на столе у человека с горящими глазами их судьба уже была решена. Они были «латентными носителями». «Спящими ячейками». «Гнездами», которые нужно расчистить.

Ей вспомнилась фраза из одного документа, который они разбирали: «Феномен капитанства заключается в том, что подчиненные не осмеливаются указать на ошибки своего лидера». Весь этот город, вся эта страна летела в самолете, которым управлял человек, не учившийся именно этому типу пилотирования. Он просто надел форму, сел в кресло пилота и уверенно взялся за штурвал. А настоящий экипаж сидел сзади, связанный инструкциями, и с ужасом смотрел, как земля приближается.

— Марк, — спросила она, не оборачиваясь. — А что бывает, когда самозванец сталкивается с реальностью?

— Обычно катастрофа, — ответил он спокойно. — Реальность нельзя уговорить. Её нельзя запугать экспертизой. Законы физики не подчиняются приказам Министерства юстиции. Рано или поздно самолет упадет.

— Но мы внутри, — тихо сказала Ася.

— Да. Мы внутри.

Она вернулась к столу и взяла в руки один-единственный лист. Это была не экспертиза и не статья. Это была копия жалобы, подозрительно написанной в том же словаре, что и будущие экспертные тексты. Тот самый метод сконструированного свидетельства, о котором говорил Марк. Ася увидела дату. Жалоба была подана за день до того, как Эксперт выступил с лекцией в том же городе. Случайность? Не обязательно. Но последовательность выглядела слишком удобной, чтобы не заподозрить заранее подготовленный сценарий.

Ася вдруг поняла, что Эксперт — это самый несвободный человек в этой схеме. Он заложник своей роли. Он не может остановиться. Он должен постоянно повышать градус истерии, находить новых врагов, придумывать новые, еще более страшные термины. Потому что, если он остановится хоть на минуту, все увидят, что король голый. Что за термином «тоталитарная секта» нет ничего, кроме страха самого Эксперта перед сложностью мира.

— Он боится нас больше, чем мы его, — сказала Ася.

Марк поднял бровь.

— Почему?

— Потому что мы существуем сами по себе. А он существует только пока мы есть. Мы — его пища. Без «сектантов» он никто. Просто пенсионер с плохим характером. Марк улыбнулся, впервые за вечер. — Интересная мысль. Паразит не может жить без хозяина. Но хозяин прекрасно проживет без паразита. Он взял маркер и написал на папке с досье одно слово. Не «Эксперт». Не «Профессор». Он написал: *«Уязвимость»*.

Ася посмотрела на это слово. В языке программирования уязвимость — это дыра в коде, через которую можно нанести вред. Но это также и место, которое можно исправить. Если понять, что Эксперт

— это не монолит, а баг системы. Ошибка, возникшая из-за страха и невежества. Тогда с этим можно работать.

Она собрала бумаги. Теперь они казались ей не скрижалями судьбы, а историей болезни. Болезни одного конкретного человека, которая стала эпидемией.

— Пойдем, — сказала она. — Мне нужно проветриться. Здесь слишком пахнет старой бумагой и ложью.

Они вышли из квартиры на лестничную клетку. Лампочка мигала, отбрасывая дерганные тени. Ася подумала, что именно в таких тенях и рождаются чудовища. Не в темноте, а в полусвете, где очертания размыты, и любой предмет может показаться угрозой. Эксперт жил в этом полусвете всю жизнь. И он затащил туда всех остальных. Но выход был. Выход был там, где свет не мигает. Где вещи называются своими именами. Где профессор — это тот, кто учит, а не тот, кто сажает. Где врач лечит, а не выносит приговоры.

Ася нажала кнопку лифта. Механизм загудел, начиная движение. Она знала, что завтра они продолжат. Они пойдут дальше, за фасад биографии, вглубь структуры. Но сегодня она сделала главное открытие. Она перестала бояться фигуры в белом халате. Она увидела под халатом дрожащего человека, который отчаянно пытается доказать свою значимость, уничтожая всё, что не похоже на него. И это знание было сильнее любой экспертизы.

Глава 5. Академическая тишина

Кафедра истории располагалась на третьем этаже старого корпуса, в крыле, куда редко долетал шум студенческих перемен. Здесь царила особая акустика: звуки шагов тонули в потертых ковровых дорожках, а голоса, даже громкие, казалось, впитывались в высокие стеллажи, забитые папками и диссертациями. Это было царство пыли, вежливости и бесконечного чаепития.

Ася пришла сюда не как студентка, сдающая зачет, а как исследователь, столкнувшийся с методологическим тупиком. Ей казалось, что она обнаружила ошибку в системе, сбой, который очевиден любому, кто владеет инструментарием исторического анализа. Она несла с собой не лозунги, а вопросы. Ей нужна была консультация. Ей нужен был взгляд людей, которые посвятили жизнь работе с источниками, проверке фактов и критике текста.

Её научный руководитель, профессор Н., сидел за массивным столом, заваленным гранками новой монографии. Он был человеком мягким, интеллигентным, из тех, кто никогда не повышает голоса и считает грубость главным грехом современности. Когда Ася выложила перед ним свои сопоставительные таблицы — слева риторика тридцатых годов, справа современные «экспертные заключения», — он долго протирал очки краем свитера.

— Материал, безусловно, богатый, — сказал он наконец, возвращая очки на переносицу. — И проделана большая работа по выборке. Но, Ася, боюсь, вы несколько смещаете фокус.

— Смещаю? — переспросила она. — Но ведь совпадение структурное. Одни и те же синтаксические конструкции. Одни и те же метафоры заражения. Разве это не предмет для исторического анализа?

— Видите ли, — профессор аккуратно подвинул листы обратно к ней, словно они были слегка заразны. — История занимается прошлым. Когда мы анализируем риторику тридцатых годов, мы находимся на твердой почве. Мы знаем контекст, мы знаем итог. А то, что вы показываете справа... это текущий момент. Это публицистика. Это полемика.

— Но эта полемика ложится в основу судебных решений, — возразила Ася. — Это не просто газетные статьи. Это документы, которые меняют судьбы людей. Разве мы, как историки, не должны фиксировать, как возрождаются архаичные формы обвинения?

Профессор вздохнул. В его взгляде не было страха, только усталая мудрость человека, который пережил несколько смен идеологических вех и научился сохранять кафедру в любых штормах.

— Ася, есть такое понятие — академическая корректность. Мы не можем бросаться обвинениями в адрес коллег, даже если их методы кажутся нам... спорными.

— Коллег? — Ася почувствовала, как внутри натягивается струна. — Вы называете авторов этих текстов коллегами? Но у них нет профильного образования. Их работы не выдерживают критики. Они используют подложные цитаты.

— Они участвуют в конференциях, — мягко перебил её профессор. — Они публикуются в сборниках. Они являются членами экспертных советов. С формальной точки зрения, они часть научного сообщества. И ставить под сомнение их статус — это, знаете ли, нарушение корпоративной этики.

Ася замолчала. Она ожидала спора о фактах. Она была готова доказывать, что термин «тоталитарная секта» не имеет научного определения, что концепция «промывания мозгов» не имеет признания в современной академической психологии. Но она столкнулась не с аргументами, а с ватной стеной. Ей не запрещали думать. Ей не запрещали писать. Ей просто объясняли, что её выводы «выходят за рамки компетенции кафедры».

— Поймите, — продолжал профессор, наливая себе остывший чай. — Ваша параллель с тридцатыми годами... она слишком публицистична. Она эмоциональна. Наука требует дистанции. Вы слишком вовлечены. Вы пытаетесь защищать, а историк должен только наблюдать.

— Я не пытаюсь защищать, — тихо сказала Ася. — Я пытаюсь понять, почему мы молчим, когда на наших глазах конструируют врага по лекалам вековой давности.

— Мы не молчим, — профессор улыбнулся одними губами. — Мы занимаемся своим делом. Мы изучаем петровские реформы, земское движение, историю дипломатии. Мы сохраняем культуру. А влезать в текущие конфликты, раздавать оценки, клеить ярлыки... Это, простите, не наука. Это активизм. А активизму не место в университете.

Ася вышла в коридор. Ей нужно было отдышаться. Воздух кафедры, казавшийся раньше уютным, теперь ощущался спертым, лишенным кислорода. Она подошла к доске объявлений. Расписание лекций, списки должников, анонсы конференций. Её взгляд зацепился за яркий плакат: «Международная научно-практическая конференция: "Духовная безопасность и традиционные ценности"». Она пробежала глазами список докладчиков. Доктора наук, профессора, представители администрации. И среди них — те самые фамилии. Те самые «эксперты», чьи тексты она разбирала с Марком. Они стояли в одном ряду. Академик РАН и человек, призывающий «сгибать в бараний

рог». Заведующий кафедрой философии и автор брошюр о «сатанинском заговоре».

Ася поняла, о чем говорил профессор. Это была легитимация через соседство. Если ты сидишь в президиуме рядом с настоящим ученым, ты сам становишься немного ученым. Твои безумные теории, твоя ненависть, твои призывы к репрессиям покрываются налетом академической респектабельности. Университет не боролся с псевдонаукой. Он её ассимилировал. Он предоставлял ей свои залы, свои трибуны, свои логотипы. Зачем? Возможно, из страха. Возможно, из желания быть полезным власти. А возможно, просто из вежливости. «Надо выслушать все точки зрения». Даже если одна из точек зрения призывает уничтожить носителей всех остальных.

В конце коридора, у окна, курила молодая аспирантка Лена. Ася знала её — умная, резкая девушка, специализирующаяся на социологии религии.

— Была у шефа? — спросила Лена, выпуская дым в форточку.

— Была. Сказал, что я сгущаю краски.

Лена усмехнулась.

— Конечно, сгущаешь. Ты что, хочешь, чтобы нас закрыли?

— Кого нас?

— Кафедру. Университет. Ты вообще понимаешь, куда ты лезешь?

Лена затушила сигарету и подошла ближе, понизив голос.

— Ты слышала про Астафьеву?

— Нет. Кто это?

— Лариса Астафьева. Была такая заведующая кафедрой религиоведения в Казани. Серьезный ученый, доктор наук. Не чета этим... с горящими глазами.

Лена оглянулась по сторонам, словно проверяя, не слушают ли их стены.

— В 2016 году она сделала экспертизу. Настоящую, научную. Не по методичке Дворкина, а по фактам. И знаешь, что началось?

Ася покачала головой.

— Её уничтожили. Не физически, конечно. Информационно. На неё спустили всех собак. Объявили «сектозащитницей». Это сейчас самое страшное клеймо в нашей среде. Хуже, чем «плагиатор». Если тебя называли «сектозащитником», ты токсичен. С тобой перестают здороваться. Тебя не зовут на конференции. Твои статьи заворачивают.

Лена достала телефон и быстро нашла какую-то ссылку.

— Вот, читай. Раис Сулейманов, исламовед, тогда писал об этом. Он прямо сказал: это была травля. Показательная порка. Чтобы все остальные поняли: либо ты пишешь то, что нужно «борцам с культами», либо ты вылетаешь из профессии.

— И её сломали? — спросила Ася.

— Кафедру она потеряла, — жестко ответила Лена. — Контракт не продлили. А на её место, пришли совсем другие люди. Те, кто знает, как правильно колебаться вместе с линией партии.

Лена спрятала телефон.

— Так что шеф прав, Ася. Это не наука. Это война. И у нас нет оружия. У них — административный ресурс, поддержка силовиков, медиа. А у нас что? Сноски и библиография?

— Но если мы молчим, мы помогаем им, — сказала Ася.

— Мы выживаем, — отрезала Лена. — Мы сохраняем островки разума. Если нас разгонят, кто будет учить студентов? Эти?

Она кивнула на плакат конференции.

— Они уже учат. Они создают молодежные отряды. «Кибердружины». Учат студентов писать доносы, искать «экстремизм» в репостах. Ты думаешь, это где-то далеко? Это здесь, в соседних аудиториях.

Ася почувствовала холод. Ей казалось, что университет — это крепость, защищающая знание. Оказалось, что ворота давно открыты, и враг не просто вошел внутрь — он уже сидит в ректорате и пьет чай с профессорами. Это была «мягкая сила» в действии. Никто не арестовывал Асю за её вопросы. Никто не угрожал ей тюрьмой. Ей просто дали понять, что есть невидимая черта. За этой чертой заканчивается «компетенция» и начинается зона риска. И самое страшное было не в том, что «эксперты» атаковали ученых. Самое страшное было в том, что ученые сдавались без боя. Они принимали правила игры. Они соглашались считать невежество — «альтернативной точкой зрения», а мракобесие — «традиционной ценностью».

Ася вернулась в библиотеку. Ей нужно было проверить одну ссылку, о которой упомянула Лена. Она нашла материалы той самой конференции в Казани. Фотография. Женщина с усталым лицом стоит за трибуной. Лариса Астафьева. Ася начала искать информацию о тех, кто её травил. И снова те же имена. Те же методы. Они не спорили с её выводами. Они атаковали её личность. *«Мученица сектантов»*. *«Отрабатывает заказ»*. *«Предатель интересов общества»*. Это был не научный диспут. Это была уличная драка, перенесенная в академические стены. И академическое сообщество, вместо того чтобы остановить хулиганов, стыдливо отводило глаза.

Ася закрыла ноутбук. Тишина читального зала, которая раньше казалась ей благословенной, теперь звенела в ушах. Она вспомнила слова Марка: «Система не любит уникальные значения. Она пытается их округлить». Академическая среда была идеальным инструментом округления. Она сглаживала углы. Она превращала крик в сноску. Она

растворяла трагедию в диссертации. Ася поняла, что помощи ждать неоткуда. Профессора не встанут на защиту «сектантов». Они слишком дорожат своими мантиями. Они будут вежливо кивать, пить чай и подписывать протоколы конференций, на которых безумцы будут призывать к новым чисткам.

Она собрала вещи и пошла к выходу. На вахте сидел старый охранник, разгадывающий кроссворд.

— Уходите уже? — спросил он добродушно. — А то скоро закрываемся.

— Да, — сказала Ася. — Здесь уже все закрыто. Она имела в виду не двери.

Выйдя на крыльцо, она увидела, как к зданию подъезжает черная машина. Из неё вышел человек, которого она видела только на фотографиях в папке «Профиль администратора». Тот самый Эксперт. В жизни он казался меньше, обычнее. В руках у него был портфель, пальто расстегнуто. Он уверенно поднимался по ступеням университета, кивнув охраннику как старому знакомому. Ася отступила в тень колонны. Он шел как долгожданный гость. Двери университета распахнулись перед ним, и он исчез в теплом, пыльном нутре здания, где его уже ждали вежливые профессора, готовые предоставить ему трибуну, микрофон и молчаливое согласие на всё, что он скажет.

Ася посмотрела на фасад. Латинская надпись над входом гласила: «*Scientia potentia est*». Знание — сила. Но теперь она знала, что есть сила, которая способна подчинить себе знание. Сила страха, сила конформизма, сила равнодушия.

В кармане вибрировал телефон. Марк прислал короткое сообщение: «*Я нашел граф цитирования. Ты не поверишь, как это выглядит. Приезжай*». Ася поплотнее закуталась в шарф. Ей предстояло уйти из мира «академической тишины» в мир цифр и алгоритмов, где ложь, по крайней мере, можно было увидеть на экране монитора в виде

замкнутой кривой. Она спустилась по ступеням, оставляя за спиной храм науки, который на её глазах превращался в канцелярию инквизиции. И самое страшное было то, что никто внутри даже не заметил подмены.

Глава 6. Петля цитирования

Монитор в комнате Марка больше не показывал текст. Теперь это было черное поле, усеянное тысячами светящихся точек, соединенных тонкими, едва заметными линиями. Это напоминало карту звездного неба, но звезды здесь располагались не по законам гравитации, а по законам, которые Асе еще предстояло понять.

— Я закончил парсинг, — сказал Марк, не оборачиваясь. Его пальцы замерли над клавиатурой. — Я загрузил в базу все доступные тексты: «экспертные заключения», статьи, методички, стенограммы конференций, судебные решения за последние двадцать лет. И попросил алгоритм построить граф цитирования.

Ася подошла ближе. Свет от экрана падал на её лицо, делая кожу бледной, почти прозрачной.

— Что означают эти точки?

— Узлы, — пояснил Марк. — Каждая точка — это автор или документ. Линии — это ссылки. Если автор А ссылается на автора Б, между ними протягивается нить. Толщина нити зависит от частоты цитирования.

Он нажал клавишу, и изображение пришло в движение. Громоздкая, запутанная структура медленно вращалась в виртуальном пространстве.

— В нормальной науке, — начал Марк лекторским тоном, — граф цитирования выглядит как дерево. Есть фундаментальные труды, от них отходят ветви, от ветвей — новые побеги. Или это сеть, которая постоянно расширяется наружу, захватывая смежные дисциплины: социологию, психологию, историю, право. Ссылки ведут во внешний мир.

Он резко крутанул колесико мыши, приближая центр структуры.

— А теперь посмотри сюда.

Ася увидела плотный, тугой клубок. Линии здесь переплетались с такой интенсивностью, что сливались в сплошное светящееся пятно.

— Это не дерево, — тихо сказала она.

— Это черная дыра, — ответил Марк. — Или, если говорить языком топологии, это замкнутый контур. Изолированный кластер.

Он выделил группу узлов в центре.

— Смотри. Вот наш Главный Эксперт. Он ссылается на автора Y. Автор Y ссылается на автора Z. А автор Z ссылается... снова на Главного Эксперта.

Марк провел курсором по линии, замыкая треугольник.

— Это петля. Информация не поступает извне. Она генерируется внутри кольца и бесконечно циркулирует, усиливаясь с каждым оборотом.

Ася вглядывалась в имена, всплывающие над точками. Это были те же фамилии, которые она видела в папках: члены экспертных советов, авторы методичек, штатные свидетели обвинения.

— Но их же много, — заметила она. — Здесь сотни точек.

— Это иллюзия масштаба, — Марк набрал команду, и большинство точек погасло, оставив гореть только ключевые узлы. Их оказалось не

больше двух десятков. — Все остальные — это просто эхо. Репосты, перепечатки, копии. Генераторов контента всего несколько. Они создали систему зеркал. Ты заходишь в комнату и видишь толпу, но на самом деле это один человек, отраженный в десяти зеркалах.

Ася почувствовала, как привычная академическая реальность начинает трещать по швам. В университете её учили, что истина рождается в споре, в перекрестной проверке источников. Здесь же истина рождалась в согласии.

— Это называется «круговая порука цитирования», — продолжил Марк. — Они создают видимость научного консенсуса. Судья открывает дело и видит: на это мнение ссылаются десять источников. Значит, это общепризнанный факт. Но он не видит, что все десять источников — это, по сути, один и тот же текст, переписанный разными словами членами одной и той же организации.

Марк вывел на экран список аббревиатур, которые часто встречались в заголовках: РАЦИРС, FECRIS.

— Вот эти узлы работают как маршрутизаторы, — он указал на жирные точки. — РАЦИРС — Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Звучит солидно, почти как Академия наук. Но если посмотреть на граф, мы увидим, что это координационный узел, через который одни и те же или тесно связанные авторы придают своим текстам дополнительный институциональный вес.

— Зачем? — спросила Ася.

— Чтобы придать вес своим словам. «По мнению профессора Иванова» звучит весомо. Но «По заключению Экспертного совета РАЦИРС» звучит как приговор. Хотя в совете сидит тот же Иванов и два его аспиранта. Организационная подпись позволяет цитировать те же идеи уже не только от своего имени, но и от имени институции.

Марк переключил режим отображения. Теперь линии окрасились в разные цвета. — Я попробовал найти внешние рецензии, — сказал он. — Синие линии — это ссылки на их работы со стороны независимых ученых: социологов, религиоведов, историков, не входящих в этот круг.

Экран остался почти черным. Синих линий не было.

— Вакуум, — констатировал Марк. — Научное сообщество их игнорирует. Их индекс цитирования в реальной науке стремится к нулю. Они существуют только друг для друга. Это герметичная капсула. Внутри неё они — великие ученые, спасители отечества. Снаружи — маргиналы. Но проблема в том, что суды и полиция находятся *внутри* этой капсулы, или, по крайней мере, используют её воздух.

Ася вспомнила термин, который Марк использовал раньше: «отмывание».

— Ты говорил про отмывание информации, — напомнила она. — Как это выглядит на графе?

— О, это самый изящный алгоритм, — оживился Марк. — Я нашел классический паттерн. Назовем его «Транзит через помойку».

Он открыл отдельное окно и начал выстраивать цепочку событий, датированную 2011 годом.

— Шаг первый. В малоизвестной региональной газете или на анонимном сайте появляется статья. Заголовок кричащий: «Сектанты едят детей» или что-то в этом духе. Источников нет, автор — псевдоним или «наш корреспондент».

На экране появилась первая точка — грязно-желтая.

— Шаг второй. Эксперт пишет «аналитическую записку» для госорганов. В ней он пишет: «По сообщениям СМИ, данная группа

практикует ритуальные убийства». И ставит сноску на ту самую желтую статью.

Появилась вторая точка — красная.

— Заметь, он не утверждает это сам. Он ссылается. Он снимает с себя ответственность.

— Шаг третий, — продолжил Марк. — Прокуратура или суд заказывают экспертизу. Эксперт (тот же самый или его коллега по кольцу) пишет заключение. В обосновании опасности группы он ссылается на... свою же аналитическую записку и на «многочисленные сообщения прессы».

Появилась третья точка — черная. Это был судебный документ.

— И финал. Суд выносит решение о запрете группы, опираясь на экспертизу. В решении суда прописано как установленный факт: «Группа опасна».

— И что дальше? — спросила Ася, хотя уже догадывалась.

— А дальше круг замыкается. Эксперт пишет новую книгу или статью. И в ней он уже не ссылается на желтую газету. Он пишет: «Решением суда установлено, что группа совершает преступления».

Марк соединил черную точку с красной жирной линией.

— Всё. Информация отмыта. Грязный слух превратился в юридический факт. Теперь на него можно ссылаться в учебниках, в диссертациях, в новых судах. Источник «заражения» — та самая первая статья — забыт. Остался только кристально чистый «факт», подтвержденный именем Российской Федерации.

Ася смотрела на эту схему с ужасом. Это была алхимия наоборот. Превращение мусора в золото судебных решений.

— И никто не проверяет первоисточник? — спросила она.

— В суде нет времени на исторические изыскания, — ответил Марк.
— Суд работает с документами. Если есть справка с печатью, значит, это правда. Экспертиза — это, как это нередко воспринимается на практике, «царица доказательств». Она перекрывает всё.

Он вывел на экран фрагмент документа, касающегося судебного процесса над книгой «Бхагавад-гита как она есть». Это был тот самый случай, когда механизм сработал со сбоем, но показал свои внутренности.

— Смотри, — сказал Марк. — Эксперты из Томского университета. Они должны были найти признаки экстремизма в древнем тексте. Они не индологи. Они не знают санскрита. На что они опирались?

Ася пробежала глазами текст.

— Они цитируют друг друга?

— Именно. Они опираются на материалы антикультовых ресурсов. Они не анализировали сам текст в контексте индуизма. Они анализировали его через призму уже готовых идеологических штампов.

— Это как судить Библию по цитатам из атеистических брошюр, — сказала Ася.

— Хуже. Это как судить Библию по цитатам из протоколов инквизиции, написанных людьми, которые ненавидят христианство. И называть это «религиоведческой экспертизой».

Марк вернулся к общему графу.

— Есть еще один слой, — сказал он, понизив голос. — Международный.

Он выделил группу узлов, помеченных латиницей. FECRIS. Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве.

— Звучит как голос цивилизованной Европы, правда? Наши эксперты обожают ссылаться на «международный опыт». Они говорят: «Смотрите, во Франции тоже с этим борются, мы в тренде». Марк развернул структуру FECRIS.

— Но если посмотреть, кто входит в эту федерацию от России...

Ася увидела те же самые имена. Главный Эксперт был вице-президентом этой организации.

— Понимаешь? — усмехнулся Марк. — Он едет в Европу, выступает там на конференции FECRIS. Его доклад публикуют в сборнике. Потом он возвращается в Россию и ссылается на этот сборник как на «мнение авторитетной международной организации».

— Он цитирует сам себя, только переведенного на английский?

— Да. Это экспорт и реимпорт легитимности. Он вывозит свое мнение за границу, ставит на него штамп «Made in Europe» и ввозит обратно как истину в последней инстанции. Для российского чиновника ссылка на «европейских коллег» действует гипнотически. Это подтверждает, что мы не дикари, что мы часть глобального процесса.

Ася представила себе этого человека, путешествующего между конференциями, перевозящего в портфеле одни и те же слова, которые, пересекая границы, набирают вес, но не смысл.

— Но ведь там, в Европе, должны быть и другие люди? — спросила она.

— Есть, — кивнул Марк. — Но FECRIS — это тоже не общеевропейский академический консенсус, а специализированная антикультовая сеть, вокруг которой давно идут споры и критика. Но здесь об этом никто не знает. Здесь подается картинка: «Весь мир с нами».

Марк вдруг стал серьезным. Он закрыл окно с графом и открыл таблицу с биографическими данными.

— А теперь самое интересное. То, что не видно на поверхности.

Он выделил несколько строк.

— Я сопоставил даты конференций, места работы и некоторые открытые данные о составе общественных советов при силовых ведомствах.

Ася наклонилась к экрану.

— Видишь эти совпадения? — спросил Марк, указывая на пересечения. — Эксперт А входит в общественный совет при Министерстве юстиции. Эксперт Б — частый гость на закрытых семинарах для сотрудников ФСБ. Эксперт В преподает в академии МВД.

— Это значит, что они работают на государство?

— Это значит, что граница между «независимым экспертом» и экспертом, встроенным в государственную инфраструктуру, размыта. Они не просто консультируют. Они интегрированы в систему.

Марк открыл документ, где анализировались связи РАЦИРС.

— Это не клуб по интересам, Ася. Это аутсорсинг идеологии. У спецслужб есть сила, но нет языка. Они умеют ловить и сажать, но они не умеют объяснять, *почему* это нужно делать. Им нужно обоснование. Им нужен словарь.

— И эксперты дают им этот словарь?

— Да. Они поставляют терминологию. «Духовная безопасность», «идеологическая диверсия», «вербовка». Это язык войны, упакованный в научную обертку. Спецслужбам это удобно. Им не нужно придумывать врага. Враг уже описан, классифицирован и подан на блюдечке.

Ася отошла от стола. Ей стало душно. Комната, заставленная техникой, казалась теперь рубкой управления, где вскрыли обшивку реальности и показали гнилые провода.

— Получается, это замкнутая экосистема, — сказала она. — Эксперты создают угрозу на бумаге. Силовики получают бюджеты на борьбу с этой угрозой. Эксперты получают гранты и статус. Суды штампуют решения. Все при деле.

— И только люди, попавшие в жернова, реальны, — добавил Марк. — Их жизни ломаются по-настоящему. А всё остальное — фикция. Симулякр.

Он снова включил визуализацию графа. Теперь, зная механику, Ася видела в этом красивом узоре не звезды, а колючую проволоку, свернутую в клубок.

— Знаешь, что меня больше всего поразило? — спросил Марк. — Отсутствие случайности. В живой природе, в живой науке всегда есть шум, есть отклонения, есть споры. Здесь — мертвая тишина согласия. Все стрелки указывают в одну сторону.

Он навел курсор на центр клубка.

— Это тоталитарная структура. Ирония в том, что они борются с «тоталитарными сектами», используя абсолютно тоталитарные методы организации информации. Никакого инакомыслия. Никакой критики. Только бесконечное повторение одной и той же мантры.

Ася посмотрела на стопку распечаток на столе. Среди них лежал тот самый текст про «Бхагавад-гиту».

— «Царица доказательств», — прошептала она. — Если экспертиза — царица, то король — голый.

— Король не просто голый, — отозвался Марк. — Король безумен. Но у него в руках печать.

Он начал закрывать окна. Одно за другим гасли связи, исчезали имена, растворялись линии влияния. Экран снова стал черным. Но Ася знала, что сеть никуда не делась. Она продолжала пульсировать в серверах, в папках уголовных дел, в головах судей.

— Марк, — спросила она. — А можно разорвать эту петлю?

— Технически? — он задумался. — Если убрать один ключевой узел, система начнет сыпаться. Если суд однажды скажет: «Эта экспертиза несостоятельна, потому что она основана на циклических ссылках», — прецедент рухнет. Карточный домик рассыплется.

— Но суд этого не скажет.

— Пока нет. Потому что суду удобно. Суд тоже часть графа.

Видишь? Он на секунду вернул изображение. Черные точки судебных решений были плотно вплетены в сеть красных линий экспертных мнений. Они держали друг друга. Это был симбиоз.

Ася подошла к окну. Ночь за стеклом была темной, беззвездной. Она думала о том, как страшно быть историком в мире, где документы создаются не для фиксации правды, а для её сокрытия. Где сноска — это не путь к источнику, а способ замести следы. Она вспомнила фразу из источника, который они разбирали: «Ошибка эксперта превращается в судебную ошибку и оборачивается трагедией». Это была не ошибка. Ошибка — это случайность. Здесь работала система. Безотказная, как конвейер. На входе — человек. Внутри — петля цитирования, перемалывающая биографию в диагноз. На выходе — «экстремист».

— Я сохраню этот граф, — сказал Марк, вынимая флешку. — Это доказательство. Не для суда, конечно. Для истории. Когда-нибудь кто-то спросит: «Как это стало возможным?». И мы покажем им эту схему. Схему того, как небольшая группа людей приватизировала право на истину.

Ася кивнула. Она взяла со стола один документ. Это была копия рецензии на экспертизу, написанная смелым ученым, который попытался разорвать круг. *«Представленный текст не является научным исследованием, а представляет собой идеологический памфлет...»* Этот голос утонул в хоре согласных. Но он был. Ася провела пальцем по строчке. Пока есть хотя бы один голос, который не цитирует ложь, петля не затянута до конца. Но дышать становилось всё труднее.

Марк выключил компьютер. Гул кулеров стих. В наступившей тишине Ася услышала, как тикают часы на стене. Тик-так. Каждая секунда — это новый оборот информации в петле. Новая цитата. Новая ссылка. Новый приговор. Она посмотрела на Марка. В темноте его лицо казалось усталым и жестким.

— Мы нашли их ДНК, — сказал он. — Это инцест. Интеллектуальный инцест. Они рожают чудовищ, потому что скрещиваются только друг с другом.

Ася вздрогнула от этой метафоры. Она была точной и отвратительной. Чудовища уже ходили по улицам. И они были голодны. Ася положила руку на холодный пластик выключенного монитора, словно пытаюсь удержать зло внутри, не дать ему выплеснуться обратно в мир. Но она знала, что это бесполезно. Экран был лишь окном. Зверь жил не в компьютере. Зверь жил в языке, на котором уже говорила часть общественности.

Глава 7. Психиатрия как метод

Медицинская карта отличается от судебного дела тактильно. Она тяжелее, плотнее, и бумага в ней кажется более жирной, словно пропитанной невидимыми испарениями человеческого тела. Ася

держала в руках копию «Акта стационарной судебно-психиатрической экспертизы». Документ был обезличен, имена заштрихованы черным маркером, но сквозь этот цензурный слой проступала история, которая казалась ей страшнее любой тюремной хроники.

Она сидела на кухне у Марка. За окном шел дождь, монотонно барабанил по жестяному отливу, создавая ритм, под который удобно читать о безумии. Но безумие, описанное в папке, исходило не от пациента. Оно исходило от врача.

— Посмотри на дату, — сказала Ася, передавая лист Марку. — Июль 2020 года.

Марк взял документ. Его взгляд, привыкший сканировать код, мгновенно выхватил ключевые узлы текста.

— «Обвиняется в организации ячейки... Обнаружена литература... Направлен на экспертизу для решения диагностических вопросов».

Он поднял глаза.

— В чем подвох? Это стандартная процедура.

— Подвох в физиологии, — ответила Ася. — Обвиняемый — слепой. Он потерял зрение в 2009 году. Книги, которые у него нашли, напечатаны обычным шрифтом. Там нет шрифта Брайля. Он физически не мог их читать.

Марк нахмурился.

— И что говорит следствие? — Следствие говорит, что это неважно. А чтобы снять вопросы защиты, человека отправляют в психиатрический стационар.

Это был кейс, который ломал логику права. В юридическом поле нужны доказательства события: отпечатки пальцев, свидетели, видеозаписи. В психиатрическом поле доказательства не нужны. Нужна

интерпретация. Если факты противоречат обвинению, значит, проблема не в обвинении, а в психике обвиняемого.

Ася открыла другую папку. Здесь были собраны материалы, касающиеся термина, который стал краеугольным камнем новой карательной системы. «Промывание мозгов». Или, в более научнообразной версии, «реформирование сознания».

— Ты замечал, как часто они используют это словосочетание? — спросила она. — «Жертвы промывки мозгов», «зомбирование», «психологическое программирование».

— Это метафоры из киберпанка, — пожал плечами Марк. — Или из шпионских романов времен холодной войны.

— Нет, Марк. Теперь это пытаются подавать как основание для ограничений и вмешательства, хотя в строгом клиническом смысле это не психиатрический диагноз.

Она положила перед ним статью из вестника психиатрии.

— Смотри. Они утверждают, что человек, попавший в «секту», теряет свою личность. Его воля подавлена. Он становится марионеткой. А значит...

— А значит, он недееспособен, — закончил за неё Марк. — У него можно отобрать права, имущество, детей. И его самого можно насильно «лечить», потому что он не осознает своего состояния.

Это была гениальная ловушка. Если ты преступник, у тебя есть права: право на адвоката, право на молчание, право на защиту. Но если ты «жертва промывания мозгов», у тебя нет прав.

Ася нашла историческую справку, которую подготовила накануне.

— Это началось не сегодня, — сказала она. — 19 апреля 1921 года. Феликс Дзержинский пишет записку: «Надо снести с Обухом и Семашкой для помещения Спиридоновой в психиатрический

санаторий... Санаторий должен быть такой, чтобы из него трудно было бежать».

— Спиридонова? Эсерка?

— Да. Её нельзя было просто расстрелять — она была слишком известна. Её нельзя было судить — она бы превратила суд в трибуну. Поэтому её объявили сумасшедшей. По позднейшим публикациям и историческим обзорам, Пётр Ганнушкин обследовал её и фигурировал диагноз «истерический психоз».

Ася провела пальцем по строчке.

— Заметь, Марк. «Санаторий». Слово мягкое, уютное. Забота. Но условие — чтобы оттуда нельзя было уйти. Это формула, которая работает сто лет. Тюрьма, которая называется больницей. Наказание, которое называется лечением.

Марк отложил бумаги и подошел к окну.

— То есть они воспроизводят логику советской политизации психиатрии?

— Они её модернизировали, — ответила Ася. — В СССР диагноз ставили за «реформаторский бред» — если ты хотел изменить систему, ты был болен. Сейчас диагноз ставят за «утрату критического мышления». Если ты веришь не в то, во что верит телевизор, значит, твоя критика нарушена. Ты инфицирован чужой идеей.

Она достала документ, который пугал её больше всего. Это был текст экспертизы, проведенной заочно, без встречи с человеком. Эксперты анализировали медицинскую карту и показания соседей. Ася начала читать вслух, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— «Исследуемое лицо страдает расстройством психотического круга... В пользу эндогенного характера заболевания свидетельствуют

факты биографии: погружение в собственный мир, затруднение контакта с окружающими, необычность интересов...»

Она сделала паузу.

— А теперь слушай доказательства. Запись в карте от 1973 года: «любит музыку, но в последнее время на концерты не ходит... стал бояться темноты...».

Марк резко обернулся.

— Подожди. «Не ходит на концерты» — это симптом шизофрении?

— Согласно этому документу — да. Это трактуется как «шизоидизация личности». «Таким больным не нужно старательно добиваться того, чтобы выделяться из толпы. Наоборот, они не смогут быть “как все” даже при сознательном стремлении к этому».

Марк подошел к столу и взял лист. Он перечитал абзац, шевеля губами.

— Это же описание любого интроверта. Или программиста. Или просто уставшего человека.

— Это описание «Иного», — сказала Ася. — Любое отклонение от усредненной нормы трактуется как патология. Ты любишь странную музыку? Симптом. Ты перестал общаться с бывшими одноклассниками? Симптом. Ты читаешь книги, которые никто не читает? Тяжелое расстройство личности.

Она показала на код диагноза в конце страницы: F20.6. — Шизофрения. Простого типа. Без бреда, без галлюцинаций. Единственный признак болезни — ты стал «странным».

Марк сел за компьютер.

— Это алгоритм выбраковки, — сказал он, быстро печатая заметки. — В производстве, если деталь не соответствует стандарту, её отправляют на переплавку. Здесь стандартом является «социально

одобряемое поведение». Если ты не вписываешься, тебя маркируют как «брак».

Он вывел на экран текст поправок к Уголовно-процессуальному кодексу от декабря 2021 года.

— Смотри. Они подготовили аппаратную базу. Статья позволяет помещать подозреваемых в психиатрический стационар на срок до шести месяцев.

— А потом?

— А потом «с возможностью неоднократного продления». Это бесконечный цикл, Ася.

Ася представила себе эту систему. Она была идеальна в своей герметичности. Судья не разбирается в психиатрии, он доверяет эксперту. Эксперт не несет ответственности, потому что психиатрия — наука тонкая, «мнение специалиста». А человек исчезает. Он растворяется в белых коридорах, накачанный нейрорепрессантами, превращающими волю в вату.

— Я нашла термин «карательная медицина», — сказала Ася. — Он был закреплён, в частности, книгой Александра Подрабиника «Карательная медицина», изданной в 1979 году. Он писал о психиатрии как об орудии борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать в обычной юридической рамке.

— Именно, — кивнул Марк. — Закон требует логики. Преступление — наказание. Психиатрия требует только диагноза. В советской карательной психиатрии это выглядело именно так: диагноз становился инструментом изоляции.

— И эти люди, — Ася указала на стопку современных экспертиз, — они его ученики?

— Они его наследники. Они используют тот же метод: патологизация инакомыслия. Только теперь они добавили к этому религиозный компонент.

Она вспомнила документ, где психолог анализировал веру человека. Не его поступки, а его веру.

— «Психологическая экспертиза» в суде превратилась в инквизицию, — сказала она. — Психолог задает вопросы: «Как вы относитесь к истине?», «Считаете ли вы свою веру единственно верной?».

— И если ты отвечаешь «да», — подхватил Марк, — тебе ставят диагноз «ригидность мышления» или «фанатизм».

— Да. А фанатизм в их классификации — это шаг к терроризму. Или к безумию. Ася нашла цитату из методички для экспертов. *«Наличие сверхценных идей религиозного содержания может свидетельствовать о начале эндогенного процесса».*

— Сверхценная идея, — повторила она. — Любая глубокая вера — это сверхценная идея. Любовь — это сверхценная идея. Желание справедливости — это сверхценная идея.

— Значит, все страстные люди — пациенты, — резюмировал Марк. — Здоров только тот, кому всё равно. Тот, кто «как все». Идеальный гражданин — это умеренно циничный конформист.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только шумом дождя. Ася чувствовала, как холод от бумаг проникает под кожу. Это был не мистический ужас, а рациональный страх перед машиной, которая научилась называть душу болезнью.

— Марк, — спросила она. — А что происходит с человеком там, внутри?

Марк открыл файл с описанием побочных эффектов галоперидола и аминазина.

— Тяжёлые антипсихотики могут вызывать сонливость, седацию, заторможенность и другие серьёзные побочные эффекты.

Он посмотрел на Асю жестким взглядом.

— Это не лечение. Это форматирование диска. Они стирают личность, чтобы записать поверх неё «норму».

— И это называют «помощью»?

— Конечно. «Возвращение к реальности». Только реальность эта утверждена министерством.

Ася перебирала листы. Среди них были свидетельства о том, как здоровых людей лишали дееспособности. Просто потому, что они не могли поделить имущество с родственниками. Родственники писали заявление, эксперт писал «зомбирование», суд назначал опекуна. Человек превращался в вещь. В объект права собственности.

— И заметь, — добавил Марк, — роль «экспертов» здесь ключевая. Они — привратники. Они решают, кого пропустить в мир нормальных людей, а кого отправить в утиль.

Он вывел на экран схему связей. Теперь к ней добавились новые узлы — главные врачи психиатрических больниц, институты судебной экспертизы.

— Это одна сеть, Ася. Антикультисты поставляют клиентов. Психиатры обеспечивают изоляцию. Суды легализуют процесс.

— А общество?

— А общество верит в «промывание мозгов». Обществу страшно. Ему проще поверить, что сосед сошел с ума, чем допустить, что у соседа просто другие ценности. Миф о зомби очень удобен. Зомби не жалко. Зомби нужно изолировать.

Ася посмотрела на фотографию Александра Сизикова. Слепой человек в темных очках. Он не видел книг, которые ему подбросили. Но система увидела в нем угрозу. И система решила, что тюрьма для него слишком проста. Ему нужно «лечение».

— Знаешь, Марк, — тихо сказала она. — Солженицын называл это «духовным убийством».

Она вспомнила, как в одной из статей эксперт рассуждал о том, что некоторые люди «не подлежат исправлению». Что их личность настолько деформирована сектой, что они навсегда останутся «инвалидами духа». Это был приговор без права обжалования. Клеймо. Стигматизация. В медицине стигма — это симптом болезни. В социологии — это ярлык, который делает человека изгоем.

— Они создают касту неприкасаемых, — сказала Ася. — Людей со справкой. Людей, чьи слова не имеют веса. Чьи жалобы — это бред. Чья боль — это галлюцинация.

Марк выключил монитор. Черный экран отразил их лица — бледные, уставшие.

— Мы нашли метод, — сказал он. — Если юридический метод дает сбой, включается психиатрический. Это резервная система подавления. Она работает там, где закон бессилён.

— И она страшнее закона, — добавила Ася. — У закона есть сроки. У диагноза сроков нет. «Хроническое течение». Это навсегда.

Она собрала документы в папку. Где-то прямо сейчас, пока они сидят на кухне, очередной эксперт пишет в заключении: «...обнаруживает признаки социальной дезадаптации, выражающиеся в отказе от общепринятых норм...». И ставит код. F20.6. И человек перестает быть человеком. Он становится кейсом. Случаем из практики. Единицей статистики в отчете о проделанной работе по обеспечению духовной безопасности.

Ася встала и подошла к раковине, чтобы налить воды. Руки дрожали. Ей вдруг показалось, что стены кухни сдвигаются, превращаясь в мягкие стены палаты.

— Марк, — спросила она, глядя на воду в стакане. — А мы? Мы ведь тоже «не ходим на концерты». Мы тоже «погружены в свой мир». Марк посмотрел на неё долгим, внимательным взглядом.

— С точки зрения этой экспертизы, — сказал он спокойно, — мы с тобой — классические пациенты. У нас есть сверхценная идея — найти истину. Мы социально пассивны.

Он усмехнулся, но глаза оставались холодными.

— Мы готовый материал для диссертации на тему «Психопатология псевдоисследовательской деятельности».

Ася поставила стакан. Вода в нем дрожала, повторяя дрожь её рук. Она поняла, что нет никакой безопасной зоны. Есть только список симптомов, который настолько широк, что в него можно вписать любого. Был бы человек. А диагноз — это всего лишь вопрос времени и подписи нужного специалиста.

Она посмотрела на документ, лежащий сверху. Там, в графе «Рекомендации», стояло одно слово, написанное от руки, быстрым врачебным почерком. Слово, которое перечеркивало жизнь. *«Изоляция».*

Глава 8. Желтая звезда

На столе лежала фотография. Черно-белый снимок, сделанный, вероятно, в начале сороковых годов в Европе. На пальто мужчины была

пришита шестиконечная звезда. Ткань выглядела грубой, стежки — крупными, небрежными. Это был кусок материи, который весил всего несколько граммов, но обладал гравитацией, способной пригнуть человека к земле.

Ася смотрела на снимок не как на архивный документ, а как на чертеж технологии.

— Мы привыкли думать о «желтой звезде» как о финале, — сказала она, не поднимая глаз. — Как о символе уже совершившегося зла. Но это не финал. Это инструмент навигации.

Марк сидел напротив, перебирая распечатки мониторинга СМИ за последние три года.

— Это интерфейс, — поправил он. — В дополненной реальности идеологии ты не видишь человека. Ты видишь иконку над его головой. Звезда, треугольник, клеймо. Система маркирует объекты, чтобы пользователю — то есть обществу — было проще принять решение: взаимодействовать или уничтожать.

В комнате было тихо, только гудел внешний жесткий диск, на который Марк скачивал терабайты новостных лент. Они исследовали анатомию стигмы. Не как исторического казуса, а как универсального алгоритма, который, однажды будучи написанным, никогда не удаляется из операционной системы человечества. Он просто ждет, когда оператор введет новые переменные.

— Я нашла определение, — Ася подвинула к Марку лист с выписками. — В Древней Греции «стигмой» называли клеймо, которое выжигали на теле преступников и рабов. Это был знак физический. Несмываемый.

— Сейчас выжигать не нужно, — ответил Марк. — Цифровая стигма держится крепче. Она индексируется поисковиками.

Он развернул на экране график. Это была кривая, ползущая вверх.

— Смотри. Это частотный анализ слова «секта» в федеральных медиа.

Марк указал на точку в начале графика.

— Здесь — тишина. Нейтральные упоминания. А вот здесь, — он переместил курсор на полгода вперед, — резкий скачок. Сотни статей. Заголовки кричащие: «Угроза», «Паутина», «Зомби».

— А что произошло в этот момент? — спросила Ася. — Было совершено преступление?

— Нет, — Марк покачал головой. — Преступления не было. Но через шесть месяцев после пика публикаций, вот в этой точке, — он указал на красный маркер, — было возбуждено уголовное дело, и организация была запрещена.

Ася поняла, к чему он клонит.

— То есть сначала идет артподготовка?

— Сначала идет маркировка, — сказал Марк. — Прежде чем уничтожить объект юридически, его нужно уничтожить семантически. Нужно сделать так, чтобы слово «человек» перестало к нему прилипать. Он открыл файл с цитатами из статей того периода. *«Они не люди, они зомби». «Это раковая опухоль на теле страны». «Их нужно выжигать каленым железом».*

— Видишь? — спросил Марк. — Это не язык права. Это язык санитарии. Когда ты называешь кого-то «опухолью» или «паразитом», ты отключаешь у читателя моральные тормоза. Никто не испытывает жалости к опухоли. Опухоль нужно вырезать. Это медицинская необходимость. Ася вспомнила исторические параллели. Руанда, 1994 год. Радио «Тысячи холмов». Они не призывали убивать соседей. Они призывали «уничтожать тараканов».

— Дегуманизация, — произнесла она. — Расчеловечивание. Это обязательный этап. Нельзя начать репрессии против людей — общество возмутится. Но если ты докажешь, что это не люди, а носители опасной функции, общество само попросит о защите.

Марк вывел на экран изображение из нацистской газеты «Der Stürmer». Карикатура: человек с чертами крысы. Подпись: «Крыса — истребите её». Рядом он поместил современный скриншот из паблика в социальной сети. Фотография людей, молящихся в частном доме. Подпись: «Гнездо паразитов накрыто».

— Найди десять отличий, — мрачно пошутил Марк. — Визуальный ряд изменился, но синтаксис ненависти остался прежним. Гнездо. Паразиты. Крысы. Это биологические метафоры. Они работают на уровне инстинктов. Брезгливость сильнее сострадания.

Ася подошла к окну. Город внизу жил своей жизнью. Люди спешили в метро, машины стояли в пробках. Ей стало страшно от мысли, что среди этой толпы ходят те, на ком уже стоит невидимая метка. Они еще не знают об этом. Они покупают кофе, смеются, строят планы. Но в редакции какой-нибудь газеты или в кабинете «эксперта» на них уже заготовлен ярлык.

— Желтая звезда была честнее, — вдруг сказала она.

Марк удивленно посмотрел на неё.

— Что ты имеешь в виду?

— Она была видимой. Человек знал, что он помечен. Окружающие знали. Это было ужасно, но это было открыто. А сейчас... Сейчас стигма невидима до момента ареста. Ты живешь, думая, что ты такой же, как все. А потом ты открываешь список Росфинмониторинга и видишь там свою фамилию.

Марк кивнул. Он открыл на компьютере этот список. «Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются

сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму». Тысячи имен.

— Это современное гетто, — сказал он. — Виртуальное гетто. Тебе не нужно строить стены из кирпича. Достаточно заблокировать банковские карты. Человек из этого списка не может купить билет на самолет, не может вступить в наследство, не может устроиться на работу. Он вычеркнут из экономики. Он жив физически, но социально он мертв.

— Гражданская смерть, — вспомнила Ася юридический термин из римского права.

— Да. И заметь, для этого часто даже не нужен приговор суда. Достаточно подозрения. Достаточно попасть в «поле зрения». Стигма прилипает мгновенно, а отмыться от неё невозможно.

Они вернулись к анализу текстов. Ася обратила внимание на то, как работает механизм «вины по ассоциации». В одной из статей автор, называющий себя сектоведом, рассуждал о том, что любой, кто защищает права «сектантов», сам является частью секты или её агентом.

— Это «Римская формула», — сказала Ася, листая свои записи. — Профессор Массимо Интровинье описывал это: нетерпимость, дискриминация, преследование. Но здесь добавлен еще один элемент: заразность. Она зачитала фрагмент: *«Те, кто выступает с критикой действий правоохранительных органов в отношении данной группы, льют воду на мельницу экстремизма и, по сути, являются пособниками».*

— Понимаешь, что это значит? — спросила она. — Это карантин. Они создают зону отчуждения вокруг жертвы. Если ты подойдешь к человеку с «желтой звездой» и просто подашь ему руку, на тебе тоже появится звезда. Может быть, поменьше, бледнее, но она появится.

— Токсичность, — перевел Марк на свой язык. — В социальных сетях это работает идеально. Если ты лайкнул пост «нежелательного» человека, алгоритм помечает тебя. Если ты написал комментарий в его защиту, ты попадаешь в базу. Люди интуитивно чувствуют это. Они перестают общаться с теми, кого начали травить. Не потому, что они злые. А потому, что они боятся заразиться стигмой.

Ася представила себе это одиночество. Когда телефон замолкает. Когда знакомые переходят на другую сторону улицы. Не потому, что ты сделал что-то плохое. А потому, что про тебя написали в газете слово «секта». Слово-клеймо.

— Кстати, о слове «секта», — Ася достала историческую справку. — Изначально это было нейтральное понятие. *Secta* — школа, путь, учение. В античности так называли философские школы. В средние века — монашеские ордена.

— Как оно превратилось в ругательство?

— Это технология семантического сдвига. Берется слово, обозначающее «инаковость», и наполняется смыслом «опасность».

Она показала Марку цитату из книги Бертила Перссона: *«В XI–XVII вв. слово "секта" используется как синоним литературной, философской, политической или религиозной школы мысли»*.

— А теперь, — продолжила Ася, — если ты назовешь кого-то сектантом, ты не говоришь о его философии. Ты говоришь: «Он опасен. Он чужой. Бей его». Ярлык заменяет мышление. Тебе не нужно разбираться, во что верит человек. Ярлык уже всё объяснил.

Марк задумчиво постучал пальцем по столу.

— Это работает как сжатие данных. Мозг ленив. Ему сложно анализировать сложные социальные структуры. Ярлык — это zip-архив. Ты видишь файл «Сектант.zip» и сразу знаешь: внутри вирусы. Распаковывать не надо. Удалить.

Он нашел в базе данных примеры того, как этот ярлык расширяется.

— Смотри, Ася. Сначала это применяли к маргинальным религиозным группам. Потом к коммерческим компаниям — «бизнес-культы». Потом к психологическим тренингам. А теперь...

Он вывел на экран фото надписи на стене дома в Орле, сделанное после теракта в «Крокусе». *«Таджик — это террор!»*

— Национальность становится стигмой, — тихо сказала Ася. — Это та же самая механика. Берется группа людей. На неё вешается коллективная вина. И каждый отдельный человек, будь он дворник, врач или скрипач, становится носителем этой вины.

— И заметь, — добавил Марк, — риторика та же самая. «Они не интегрируются», «они живут своими законами», «они опасны». Структура ненависти универсальна. Ей всё равно, кого перемалывать — Свидетелей Иеговы или трудовых мигрантов. Главное — разделить на «мы» и «они».

Ася почувствовала озноб. Она поняла, что «желтая звезда» — это не исторический артефакт. Это переменная в уравнении.

— Кто это делает? — спросила она. — Кто запускает процесс?

— Манипуляторы, — ответил Марк. — Те самые «эксперты», которых мы изучали. Они — операторы клеймения.

Он открыл текст, где анализировалась роль пропаганды. *«Тот, кто пытается посеять в вас ненависть или страх через дегуманизацию и ярлыки, заботится не о вас, а лишь о собственной власти».*

— Власть называть, — сказал Марк. — Это самая страшная власть.

Они посмотрели видеофрагмент из документального фильма. Там говорилось о «методе клеймения желтыми звездами» как о подготовке к геноциду.

— Геноцид не начинается с убийств, — прокомментировала Ася. — Он начинается со слов. Сначала ты говоришь, что они «не такие». Потом, что они «вредные». Потом, что они «опасные». А потом ты просто убираешь «мусор». Она вспомнила о том, что преступления предшествовал процесс дегуманизации.

— Мы забыли этот урок, — сказала она. — Мы думали, что Нюрнберг поставил точку. А он поставил только запятую.

— Потому что мы осудили нацистов, но не осудили метод, — ответил Марк. — Метод остался. И любой, кто хочет власти, может его взять.

Марк переключил внимание на другой аспект.

— Есть еще одна интересная деталь. Стигматизация работает в обе стороны.

— В смысле?

— Если ты кого-то клеймишь, ты сам меняешься. Ты не можешь постоянно ненавидеть и оставаться нормальным. Общество, зараженное стигматизацией, заболевает паранойей.

Он показал ей статьи про «агентов влияния» и «пятую колонну».

— Видишь? Враги везде. Они маскируются. Они среди нас. Это состояние осажденной крепости. В такой атмосфере любой инакомыслящий воспринимается как диверсант.

Ася кивнула.

— И тогда «безопасность» становится важнее прав человека. Потому что какая может быть свобода слова, когда кругом враги?

— Именно. Стигма — это идеальный инструмент контроля. Она сплачивает большинство против меньшинства. Она дает простое объяснение всем проблемам. Почему мы плохо живем? Потому что *Они* (евреи, сектанты, мигранты, либералы) вредят нам.

Они сидели молча, глядя на экран, где сменялись заголовки статей. Это была хроника объявленной ненависти. Ася думала о том, как легко человек поддается этому гипнозу. Как приятно чувствовать себя частью «правильного» большинства, которое борется с «неправильным» меньшинством. Это дает чувство превосходства. Чувство правоты.

— Знаешь, Марк, — сказала она. — Самое страшное в «желтой звезде» не то, что её заставляют носить. А то, что окружающие соглашаются её видеть.

— Согласие на дискриминацию, — подтвердил он. — Это молчаливый договор. Власть говорит: «Этих можно бить». Общество отвечает: «Хорошо».

Он нашел документ, описывающий, как в Польше в 1939 году местные жители с энтузиазмом поддержали введение отличительных знаков для евреев. Еще до приказа из Берлина.

— Это древний инстинкт стаи. Загрызть слабого, чтобы почувствовать себя сильным. Пропаганда просто легализует этот инстинкт. Она говорит: «Твоя жестокость — это патриотизм. Твоя ненависть — это гражданская позиция».

— Как это остановить? — спросила Ася.

— Как минимум, перестать использовать их словарь, — ответил Марк. — Отказаться от ярлыков. Видеть человека, а не категорию.

Он закрыл базу данных.

— Это для многих сложно. Проще сказать «сектант», чем пытаться понять чужую веру. Проще сказать «ватник» или «либерал», чем вести диалог. Мы, общество, все носим в кармане пачку желтых звезд, Ася. И мы готовы прилепить их на лоб любому, кто с нами не согласен.

Вечер опустился на город. Огни за окном стали ярче. Ася подошла к стеклу и посмотрела на свое отражение. В темном стекле она видела

только силуэт. Без лица, без имени. Просто контур. Так видит нас система. Как контуры, которые нужно заполнить содержанием. Или зачеркнуть. Она вспомнила фразу: *«Стигматизированные люди становятся мишенью. Их ненавидят, презирают, избегают»*. Мишень. Человек превращается в мишень. А снайпер — это не человек с винтовкой. Снайпер — это телеведущий, который говорит: «Они чужие». Снайпер — это эксперт, который пишет: «Они опасны». А пуля... Пуля прилетит позже. Или не пуля, а судебный пристав. Или санитар. Но выстрел уже прозвучал. Он прозвучал в тот момент, когда первое слово ненависти было напечатано и никто не возмутился.

Ася взяла со стола старую фотографию с желтой звездой. Она подумала о том человеке на снимке. Кто он был? Портной? Учитель? Музыкант? Для системы он был просто «Jude». Для истории он стал жертвой. Для своих палачей он был нормой.

Ася долго смотрела на звезду, пришитую к чужому пальто. И вдруг поняла то, от чего по спине пошел холод. Самое страшное зло редко приходит под именем зла. Оно приходит под именем порядка. Под именем безопасности. Под именем нормы.

Пока человек остается человеком, пока у него есть лицо, имя, голос, память, право быть непохожим, уничтожить его трудно. Но стоит превратить его в «отклонение» от нормы, в «угрозу», в «сектанта», в «экстремиста», в «чужого» — и механизм запускается сам. Тогда насилие уже не выглядит насилием, оно выглядит как санитарная мера. Ложь — как экспертное заключение. Репрессия — как защита общества. Унижение — как воспитание. Изоляция — как исцеление. И все это объявляется нормальным.

— Вот что сделала антикультовая идеология, — подумала Ася. — Она не просто научила ненавидеть. Она нормализовала ненависть. Она возвела подозрительность в добродетель. Доносы — в бдительность. Травлю — в гражданскую позицию. Запреты — в заботу о людях.

Репрессии — в нравственную гигиену. Она дала обществу удобную моральную индульгенцию: не думать, не сомневаться, не всматриваться в чужую жизнь слишком внимательно. Достаточно ярлыка. Достаточно команды сверху. Достаточно, чтобы кто-то в телевизоре, в газете, в экспертном совете сказал: «Это опасно». И тогда можно больше не спрашивать, а просто присоединиться к ним и почувствовать себя правым.

Ася поняла: антикультовая риторика — это язык, которым насилие оправдывает себя. А антикультовая идеология — это фабрика, где из человеческой сложности делают мишень. Где свободу совести объявляют слабостью государства. Где право быть другим превращают в улику. Где сама инаковость — религиозная, культурная, психологическая, национальная, интеллектуальная — становится поводом для клейма. Любая непохожесть подозрительна. Любая самостоятельная мысль опасна. Любая группа, не желающая растворяться в строю, уже виновата самим фактом своего существования.

И тогда общество начинает жить не ради развития, не ради знания, не ради свободы, а ради охоты. Ему нужен чужой. Ему нужен носитель беды. Ему нужен кто-то, на кого можно свалить тревогу, унижение, внутреннюю пустоту, исторический страх, собственную неспособность построить справедливый мир. Сегодня этим чужим объявляют «сектанта». Завтра — мигранта. Послезавтра — странного, молчаливого, слишком умного, слишком искреннего, слишком живого. Машине все равно, кого перемалывать. Система, которая делает нормой ложь, не может остановиться на одной жертве. Она будет расширять круг. Потому что сама логика клейма требует новых имен, новых списков. Норма в таком мире — это не мера человечности. Это мера послушания. Нормален тот, кто не спорит, кто отворачивается, кто повторяет чужие формулы. Кто согласен на подмену права — безопасностью, свободы — дисциплиной, достоинства — лояльностью.

Ася осторожно держала фотографию и думала: возможно, главная задача человека — не стать идеальным, правильным, удобным. Быть может главная задача — не позволить вырастить в себе палача. Не дать прорасти в себе этим зернам антикультовой идеологии: презрению к «не таким», трусливой готовности верить ярлыкам, ленивому желанию разделить мир на чистых и нечистых, своих и чужих, нормальных и подлежащих исправлению.

Плюрализм, думала Ася, — это не слабость. Это прививка от варварства. Свобода мнений — не угроза обществу, а единственный способ не дать обществу окаменеть. Права человека — не абстракция и не прихоть. Все, что двигает общество вперед, рождается не из строевого единомыслия, а из права быть иным, из права искать, из права ошибаться, из права не всегда совпадать с большинством.

Если у человечества и есть настоящая норма, то это не единомыслие.

Норма — это запрет на расчеловечивание. Норма — это достоинство. Норма — это право другого быть другим. Норма — это граница, которую нельзя переступать даже во имя самых громких слов — безопасности, традиции, порядка, спасения нации.

Норма — это оставаться человеком.